

ТАЙНА ПАНСИОНА «НАДЕЖДА»

Кэтрин Линн

Дневник Элизабет К.

Кэтрин Линн

Тайна пансиона «Надежда»

«Автор»

2026

Линн К.

Тайна пансиона «Надежда» / К. Линн — «Автор»,
2026 — (Дневник Элизабет К.)

Элизабет Коллинз, дочь разорившегося графа, отправляется в пансион под патронажем загадочного друга семьи – мистера Робертса. Странные совпадения и сны, подслушанные разговоры – поначалу она не придает им особого значения, но страшные находки и исчезновение лучшей подруги сподвигают Элизабет на собственное расследование тайн пансиона. Первая книга цикла о тайных обществах вампиров, охотниках и таинственном камне – в формате дневника девушки, оказавшейся в эпицентре событий.

© Линн К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

5 октября 1960 года	5
7 октября 1960 года	8
8 октября 1960 года	12
9 октября 1960 года	16
10 октября 1960 года	20
13 октября 1960 года	25
15 октября 1960 года	30
16 октября 1960 года	34
23 октября 1960 года	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Кэтрин Линн

Тайна пансиона «Надежда»

5 октября 1960 года

Сегодня папа должен вернуться из Ливерпуля, из-за чего вся семья стояла на ушах. Джон то и дело бегал на станцию Уитби-Уэст-Клифф, расположенную недалеко от нашего дома. Мама так и не сообщила этому болвану, что папа вернется вместе с мистером Робертсом на его автомобиле. Ну и пусть бегаёт, без него в доме хоть вздохнуть спокойно можно.

Мама еще на рассвете разожгла камин и помогала нашей домоправительнице Кэтрин на кухне. Как обычно, как только в доме ожидалась гости, мама сразу же брала в свои бразды управление кухней. Так что, с большой вероятностью, на ужин нас ждали аппетитная треска и даже горошек! На чипсы уже смотреть тошно.

Мистер Робертс – друг отца, который то и дело норовит втянуть его в свои, как говорит Джон, «темные делишки». Мой братец недолюбливает его, но мне он кажется забавным. Всякий раз, когда мистер Робертс оказывается в нашем доме, он привозит подарки всем членам семьи.

В прошлый его летний визит он подарил мне красивый блокнот ручной работы, который стал моим дневником. Мне нравится его перламутровая обложка: она, точно жемчужина, переливается на солнце розово-фиолетовыми оттенками.

«Прямоком из Парижа!» – он презентовал мне блокнот за ужином.

А еще мистер Робертс пообещал мне, что отправит меня учиться. Говорил, что я слишком сообразительна для того, чтобы потерять годы в замужестве за каким-нибудь рыбаком. Но, как по мне, быть женой – это важно для женщины. Даже если от твоего суженого пахнет рыбой за километр. Ведь нет ничего важнее любви. И выйду замуж я тоже только по любви: буду брыкаться и сопротивляться, если это будет не так.

Отец считает, что предложение мистера Робертса отличное. Оно снимет с него часть денежного бремени.

«Образование важно для юной леди, Лиззи», – до сих пор называет меня этим дурацким сокращением, упрощая такое элегантное имя, как Элизабет. К чему эти сокращения нужны?

Часть меня была бы рада уехать из Уитби, жить в других городах. А другая часть любит шум волн, ветра и спокойную, размеренную жизнь. Может быть, когда я подрасту, то изменю свое мнение, а пока буду наслаждаться жизнью у моря.

По радио передали, что сегодня ожидается шторм. Немного волнительно, на душе неспокойно. Наш дом располагается в отдалении от причала, так что потоп нам не грозит. Но какое-то странное предчувствие поселилось внутри меня и скребет.

Еще во время обеда мама была беспокойной. Наверное, волновалась, ведь отец находился в поездке целый месяц. Хотя он и на более долгий срок уезжал. Совсем на нее не похоже.

Взрослые не посвящают нас в свои дела, но я подслушала разговор. Они говорили о поиске какого-то камня, который позволил бы нам забыть о безденежье на долгие годы вперед.

Время близилось к ужину, но папа и мистер Робертс еще не приехали. Надеюсь, они доедут в целостности и сохранности. Мы все жутко соскучились по отцовскому тихому ворчанию и запаху его трубки.

Мне стало жаль Джона, и я рассказала ему о том, что на станции папу не стоит ждать. Услышав имя гостя, он тут же раскраснелся и отправился на чердак. Он всегда там сидит, когда хочет побыть один. Даже порядок там навел. Интересно, почему он так не любит мистера Робертса?

Он, конечно, очень своеобразный и остроловный, но никогда не обижал нас. Более того, он всегда помогал нашей семье. Особенно сильно он помог нам, когда заболела моя сестра Сьюзан. Но даже именитые врачи, посетившие наш скромный дом, не сотворили чуда.

Я была такой же крохой, как и Сьюзан, но болезнь обошла меня стороной. Наверное, поэтому родители так трепетны ко мне и моему будущему. И строги со мной.

За окном уже стемнело, и мелкий дождь стал бить по стеклам. Мелкие капли стекали, растягиваясь в причудливые формы, устремляясь вниз. Наверное, мы также вырастаем, вытягиваемся, скользим по стеклу, чтобы в конце концов оказаться ближе к земле. Просто кому-то суждено оказаться в ней раньше, а у кого-то есть целая жизнь в запасе.

Внизу послышался шум, а затем до моего уха донесся приглушенные голоса.

Отец был уставший, но все равно крепко обнял меня, когда я выскочила к нему из комнаты. От него пахло бензином и табаком – от этого запаха у меня закружилась голова. Меня внутри распирало от долгожданной встречи с ним.

Джон, как обычно, сухо поприветствовал отца и бросил недобрый взгляд на мистера Робертса, который лишь спокойно поприветствовал его. От этой пары зеленых глаз мне стало не по себе.

Братец быстро прошел на кухню, приговаривая, какой он голодный. Мне даже показалось, что он и не рад встрече с отцом. Мама приобняла отца и легонько коснулась губами его щеки, отчего его лицо расплылось в широкой улыбке.

Яковыряла вилкой в уже остывшей рыбе, прислушиваясь к разговорам. Отец и мистер Робертс, точно заведенные будильники, без умолку трещали о том, что они почти у цели и камень вот-вот окажется у них в руках.

Оказалось, что они поехали в Ливерпуль на тайный аукцион, на котором якобы мог быть выставлен этот самый камень. Вот только что они там делали так долго, они почему-то не стали рассказывать, лишь изредка переглядывались.

А еще я заметила, что мистер Робертс почти не притронулся к еде, приговаривая при этом, какой прекрасный ужин состряпали мама и Кэтрин. Размазывал рыбу по тарелке, подносил вилку ко рту и опускал обратно. И стакан с водой оставался полным на протяжении всего вечера.

Он заметил мой любопытный взгляд – подмигнул мне и почти сразу же вернулся к разговору. Я почувствовала, как внутри еще сильнее скреблось, и смущенно уткнулась в свою тарелку.

– Ваша новая прическа очень вам к лицу, юная леди, – подметил мистер Робертс. – Кудри очень красиво обрамляют вашу фарфоровую кожу.

– Они завились из-за влажности, – мои щеки вспыхнули. – Когда мне исполнится 18, я обязательно от них избавлюсь!

– Лиззи, я думаю, тебе просто стоит принять комплимент Джозефа, – отец протирал рот салфеткой.

– Они меня раздражают, вот я и говорю как есть.

Мистер Робертс тихо засмеялся, прикрыв лицо ладонью.

– Леди Элизабет, – он посмотрел на меня, и по моей спине пробежал холодок. – Вам сейчас 15, ведь так?

– Почти 16.

– А у меня есть сын, ваш ровесник. Я думаю, вы подружитесь.

Внезапно Джон бросил вилку на стол. Я вздрогнула и вытаращила на него глаза.

– Подыскиваете жену своему отпрыску? – недовольно произнес Джон. – До этого дня мы и не слышали про существование у вас детей!

Повисла гробовая тишина. Отец аккуратно положил приборы и, взяв стакан в руки, спокойно ответил:

– Сын Джозефа учится в закрытом пансионе. Они почти и не видятся. Джон, тебе следует подбирать выражения.

– Но, отец, ты его слышишь?

– Сынок, – мама вмешалась и аккуратно погладила его по плечу. – Никто никого не сватает, угомонись!

– Ужин выдался на славу, – Джон встал из-за стола и ушел, бросив салфетку на стул.

Впервые братец так рьяно бросился в словесную атаку. В его духе обычно строить недовольную гримасу и натяжно вздыхать, но Джон никогда не позволял себе грубости до этого дня. Но мне польстило то, что он вступился за меня, хоть и причины тому не было.

– Возраст, – отец попытался сгладить углы. – 17 лет, как-никак. Ты не злился на него, Джозеф.

– Брось, – мистер Робертс махнул рукой. – Все были вспылчивыми юношами. А чтобы мисс Коллинз не беспокоилась, сразу отвечу: в пансионе открывается женский корпус. Я думаю, если юная леди согласится, то мой сын, Уильям, поможет ей привыкнуть к учебным будням. Разумеется, ни о какой свадьбе в столь юном возрасте и речи быть не может.

И снова они заговорили об образовании, как будто кроме него ничего больше и не существовало. Никого не волновала моя сбитая с толку мордашка, которая узнала про существование Уильяма, словно всем, кроме меня и брата, сообщили о нем. А о нас забыли.

Мне дали время подумать до ноября, совершенно не поинтересовавшись моим мнением. Оно и понятно: у отца великое дело на носу, а тут дочь под ногами мельтешит.

Джон так и не спустился с чердака, по крайней мере, я не слышала его шагов. Даже если бы я пришла к нему, он бы даже не открыл дверь. Вероятнее всего, сидит там и слушает звук дождя, наслаждаясь тишиной и одиночеством.

Рядом со мной на столе лежала красиво упакованная коробочка – но открывать ее у меня не было желания. Мистер Робертс своей новостью о пансионе отбил у меня все предвкушение от подарка. Быть может, завтра у меня появится настроение, но не сейчас. Глаза слипаются.

Нужно еще обдумать то, что и без меня было уже давно принято.

7 октября 1960 года

Весь вчерашний день у нас был посвящен урокам вязания. Кэтрин и мама терпеливо учили меня набирать петли на спицы, перекидывать их. Для меня это, наверное, самое скучное занятие из всех возможных, но в качестве награды вечером мы всей семьей смотрели *«10-й отдел скорой помощи»*. Маме очень нравился необычный антураж этого шоу – в отличие от нас с Джоном. Мне гораздо интереснее наблюдать за игрой актеров и их смелостью: будучи актером, можно прожить столько разных жизней, пережить столько интересных событий и при этом продолжать существовать в своей обыкновенной обыденности.

Сегодня утром ненадолго вышло солнце. В это время я как раз гуляла по пристани, наслаждаясь видом на Северное море. Солоноватый воздух туманил разум, но чем дольше я вдыхала его, тем бодрее себя чувствовала. Даже не представляю, как я буду чувствовать себя в пансионе без морского привкуса.

Я подставила лицо под согревающие лучи. Мне хотелось, чтобы этот момент длился вечно.

– Эй, Коллинз! – звонкий голос отвлек меня. – Подожди!

Я обернулась и увидела бегущего мне навстречу соседского мальчишку. Его длинные прямые волосы развевались на ветру, точно морские водоросли в толще воды, сплетались во всевозможные узоры.

– Доброе утро, Дерек, – я прикрыла глаза от солнечного света.

– Привет, Элизабет, – Дерек остановился возле меня и уперся руками в колени, переводя дух. – Ты чего это с утра пораньше и уже на пристани?

Я отвернулась от него, продолжив солнечные ванны.

– А ты сам не видишь? – щеки слегка покалывало. – Я не могла пропустить такое редкое явление.

Дерек всплеснул руками. Для мальчишек вроде него не существовало понятия «прекрасного», только «практичное». Если ты родился в семье потомственного рыбака – рыбаком и умрешь, в окружении внуков-рыбаков.

– Это ты про солнце?

– А ты сообразительный для простого ремесленника, – съязвила я.

Дерек не оценил моей невинной шутки.

– А ты, – он топнул ногой по растрескавшемуся от сырости деревянному полу, – слишком груба для леди!

– Так я и не из аристократок, – я улыбнулась и бросила на него мимолетный взгляд. – Подумаешь, всего лишь из семьи разорившихся графов.

– Вот-вот, а ведешь себя, словно варварка!

Меня возмутило его нахальство. Как он посмел обозвать меня, Элизабет Коллинз, варваркой? От одного этого слова у меня волосы дыбом вставали, а если уж и представлю себе образ типичного дикаря, так совсем дурно становится.

Я повернулась к нему, сложила руки на груди и стала стучать носком своей тяжелой туфли по дереву.

– Ты пришел меня позлить? – недовольно фыркнула я.

Дерек поднял ладони и сделал шаг назад. Его и без того огромные круглые глаза стали еще больше, а густые брови поползли наверх.

– Нет-нет, – приговаривал Дерек, краснея, – просто хотел справиться о тебе. Ты перестала приходить к развалинам. Все спрашивают о тебе.

Раньше я часто сбегала с соседскими детьми к развалинам аббатства. Ходили слухи, что там обитают призраки монахов. А мне всегда было интересно поглазеть на настоящих духов,

хоть Джон и говорил, что все это брехня. А я верила. Но Джон сдал меня сначала маме, а мама – папе. И мне запретили эти походы.

– Дерек, – я опустила руки и сложила их за спиной, – у меня полно забот: в ноябре меня отправляют в закрытый пансион – образовываться. Поэтому я и не прихожу.

– Ты уедешь из Уитби? – он потупил взгляд.

– Да, – я заметила, что Дерек расстроился. – Но впереди еще целый месяц!

– А когда ты вернешься?

Его вопрос ввел меня в ступор. Я не знаю, чем закончится сегодняшний день, а он спрашивает, вернусь ли я после обучения. Я подошла к нему и поправила выбившуюся прядь.

– Не знаю, Дерек, быть может, и вернусь.

– Надеюсь, тебе понравится в пансионе, – Дерек явно хотел сказать мне что-то другое, но почему-то передумал.

Я вернулась домой ближе к обеду. В гостиной стоял запах золы, и я решила открыть окна – дышать было невозможно. Как только я отодвинула вторую раму, с улицы тут же стали доноситься громкие звуки: автомобили, голоса, крики, смех – все смешалось в единую какофонию и било по ушам. Я закрыла окно.

– Элизабет, немедленно закройте окно! – Кэтрин показалась в дверях.

– Уже, – громко ответила я, поскольку Кэтрин была глуховата.

Наша пожилая домоправительница давно перестала брать плату за свои услуги. Вместо этого она попросила отца дать ей возможность дожить свой век в доме, в котором она сама выросла. Отец охотно согласился, дав Кэтрин возможность стать полноправным членом нашей семьи. Она замечательная женщина, заменившая мне и Джону вечно путешествующих бабушек, но была у нее одна раздражающая черта: любовь командовать нами, детьми.

– Ты снова бегала к морю? – Кэтрин принялась разжигать огонь в камине. – Несносное дитя, отец будет злиться.

– Так вы не говорите ему – и не будет, – я задернула тяжелые пыльные шторы и уселась в кресло возле камина.

– Несносное дитя, – ласково проговорила Кэтрин, – тогда помоги мне накрыть стол к обеду, а я подумаю.

– Шантажируешь меня? – я поправила непослушные кудри. – Никакой свободы в этом доме!

Кэтрин, кряхтя, поднялась с колен и стала отряхивать белоснежный фартук. А потом она строго посмотрела на меня, сложив руки по бокам.

– Юная леди, – от ее голоса хотелось скрыться, – марш на кухню!

Я нехотя поднялась с кресла. Быстро показала язык отвернувшейся Кэтрин и тут же побежала к месту каторги, надеясь, что Кэтрин не заметила моего жеста.

На кухне стоял запах картофеля и рыбы. Я поморщилась от скучного однообразия нашего рациона и прошла к большому стеллажу с посудой.

«Мама, папа, Кэтрин, Джон, я и мистер Робертс», – я отсчитывала нужное количество белоснежных фарфоровых тарелок.

Одна из них оказалась с небольшим сколом, но я все равно решила отнести ее в гостиную. Скол был крохотным и едва заметным, к тому же он никак не мешал тарелке выполнять ее предназначение.

Внезапно зазвонил телефон. Я быстро оставила тарелки и подбежала к журнальному столику, стоящему в темном углу гостиной.

– Семья Коллинз приветствует вас, – машинально ответила я после того, как подняла тяжелую трубку.

– Здравствуйте, – противный голос зашуршал в трубке. – Меня зовут Эмилия Спаркс. Подскажите, Джозеф Робертс уже прибыл в ваш дом?

– А с какой целью вы интересуетесь, Эмилия Спаркс? – любопытство взяло верх.

– Думаю, это не вашего ума дело, мисс Элизабет Коллинз, – строго ответила женщина.

– Он прибыл?

Я впала в ступор. По моему голосу, безусловно, можно предположить мой возраст, но назвать мое имя – она явно что-то слышала обо мне. И я даже догадываюсь, от кого.

– Мистер Робертс с отцом и мамой еще на рассвете уехали на противоположный берег, – я водила пальцем по столу, вырисовывая невидимые линии. – Ой! Вы не об этом! Да, мистер Робертс позавчера вечером. Мне что-нибудь передать ему?

В трубке послышался тихий недобрый смехок.

– Будьте любезны, передайте мистеру Робертсу, что ему не скрываться от нас, – я услышала, как ее интонация изменилась. – Всего доброго, юная леди!

Эмилия Спаркс повесила трубку, так и не услышав моего ответа. А я хотела бы сказать ей пару ласковых, несмотря на то, что она очень заинтриговала меня.

Получается, мистер Робертс в бегах или, того хуже, преступник! И теперь он укрывается в нашем доме, совершенно не беспокоясь о нашей безопасности.

Ровно в полдень все семейство вернулось домой. Папа, мама и мистер Робертс вернулись уставшими, но лица их были подозрительно довольными.

Я подошла к мистеру Робертсу, когда мы остались в гостиной одни. Поправляя свой жакет, я сказала ему:

– Мистер Робертс, пару часов назад зазвонил телефон, – я пытливо изучала его худое лицо, лишенное даже крошечной изюминки. – Некая Эмилия Спаркс просила передать, что смысла скрываться нет.

Его глаза блеснули. Он смотрел на меня сверху вниз и, поправив свой темно-синий пиджак, ответил:

– Юная леди, – он оскалился, – благодарю за информацию. Могу я попросить вас об услуге? Мне важно, чтобы эта информация осталась строго между нами.

Преодолевая дрожь, я сложила руки на груди и выставила ногу вперед.

– Только если вы расскажете, в чем дело, – я старалась не смотреть в его глаза.

– Элизабет, – мистер Робертс нарочито протянул мое имя, как трель, – если бы я мог, поделился бы с вами.

– Я уже соучастник!

– Вовсе нет, – он снял шляпу, вытащил из нее серебряную монетку и протянул мне. – За ваше молчание я готов платить.

Монетка холодом окатила мою ладонь. На одной стороне монеты был изображен профиль Генриха VI, а на другой, помимо щита, я заметила цифры: 19 и 44. Этот шиллинг – мой ровесник. Я подняла изумленный взгляд на мистера Робертса. Заметив мое удивление, его лицо растянулось в широкой улыбке.

– Целых четыре унции мороженого, юная леди.

Я спрятала монетку в карман юбки.

– Наша семья вне опасности? – невзначай спросила я.

– Непременно, – он надел шляпу и вышел из гостиной.

Мне показалось странным его спокойствие. Либо он слишком хорошо притворялся, либо слова этой женщины действительно были не опасны. Я нащупала монетку в кармане – она по-прежнему была холодной.

«Решил откупиться мороженым – не дождется», – я улыбнулась сама себе и пошла наверх позвать Джона на обед. Вчера он тоже ночевал на чердаке. У всех в этом доме свои тайны!

Мистер Робертс снова не ел. Он все так же размазывал картофель по тарелке, накалывал кусочки рыбы на вилку, но даже не подносил ко рту. Я внимательно следила за каждым его

движением – они словно годами отточенные, незаметные. Для всех остальных он трапезничал, хвалил стряпню Кэтрин, но от моего чуткого глаза ему не скрыться.

Я почувствовала на себе чей-то прожигающий взгляд. Джон заметил, как я наблюдаю за нашим гостем, и пытался понять причину моего интереса. Я повернулась к нему и легким движением головы указала на тарелку с размазанным картофелем. Джон опустил взгляд на нее, а затем повернулся ко мне и пожал плечами. И все оставшееся время братец бросал взгляды на тарелку мистера Робертса.

– Ты видел это? – я захлопнула дверь в комнату, как только вошел Джон.

– Элизабет, – Джон сел за мой стол, – я тоже заметил.

– Тут что-то нечисто, – я чуть было не проболталась ему про телефонный звонок, но вовремя осеклась. – Он третий день не ест.

– Быть может, наш великодушный гость предпочитает более изысканные блюда, – язвительно ответил Джон.

Я взяла со стола нераскрытый подарок и уселась на кровать. От коробочки веяло холодом, так же, как от монетки в моем кармане.

– Почему ты не любишь мистера Робертса?

Джон стал рыскать по столу в поисках ручки и бумаги. От шуршания предметов по столу внутри нарастало раздражение, оседая зудом в грудной клетке.

– Странный он, – не поворачиваясь, ответил брат, – слишком благородный, а взамен ничего не просит. Так не бывает, сестрица. Все всегда чего-то хотят взамен.

Я открыла коробку. Внутри лежал серебряный гребень, украшенный сапфирами. Они блестели, переливаясь всеми оттенками моря. Я провела пальцами по его изогнутым зубчикам, и что-то внутри меня сжалось.

8 октября 1960 года

Ранним утром мистер Робертс в спешке покинул наш дом. Якобы у него появились неотложные дела в Лондоне, и более он не мог гостить у нас. Они о чем-то спорили с отцом, и после его отъезда отец был сам не свой. Практически все утро он просидел в кресле у телефона, раз за разом заправляя трубку.

Мама возмущалась густому облаку табачного дыма, оседающему на поверхностях.

– Генри, – она наспех открывала тяжелые рамы. – Невозможно вздохнуть!

Отец лишь бросил на маму тяжелый взгляд и чиркнул спичкой. Небольшой огонек на мгновение подсветил нижнюю треть его лица, и я заметила на его подбородке какое-то бурое пятно.

– Генри! – мама подошла к нему и смахнула салфеткой пепел со столика. – Неужели нельзя воспользоваться блюдцем!

– Отстань, Марга, – он откинул голову на спинку. – Не доводи до скандала.

– Несносный! – проворчала мама и с громким стуком каблуков покинула гостиную.

Я сидела перед камином и молча наблюдала за ними. Из открытого окна ворвался холодный ветер. Я придвинула кресло ближе к камину и забралась в него с ногами. Что-то произошло между отцом и мистером Робертсом, однако никаких предпосылок к их ссоре не было. Возможно они не сошлись в интересах, но они дружат уже очень давно. Наверное, дело в том загадочном камне, на который они охотились.

– Элизабет! – Кэтрин ворвалась в гостиную с дровами. – Опустить ноги с кресла!

– Мне холодно, – я намеренно шмыгнула носом. – Того и гляди заболею.

– Тогда тебе следует надеть шерстяные юбку и носки, – с характерным звуком на пол упали деревяшки с незавидной судьбой. – Юной леди не стоит рассаживаться таким образом, это вне правил этикета.

– К чему этот этикет, когда у нас ежедневно одна картошка, – я сильнее вжалась в кресло.

– Лиззи, – голос отца прогремел как гром. – Не спорь со старшими.

Я нарочито громко вздохнула и поднялась с кресла. Бросив на отца возмущенный взгляд я потопала в свою комнату. Все равно с минуты на минуту должна была прийти Элис – моя гувернантка.

Она мне не нравится, но я до сих пор не нашла способ избавиться от нее. В прошлый раз я подсыпала ей в чай черного перца, а она и бровью не повела. Зато после ее ухода у меня была воспитательная беседа с мамой. От одного ее имени и надменного «милочка, вы излишне драматизируете» я готова была взорваться. Папа тратил деньги на ее жалованье вместо того, чтобы отправить меня в школу к сверстникам. Наверное, боится, что меня выгонят оттуда. Или того хуже, примкну к модникам, окончательно растеряв аристократическую спесь.

У меня ведь и подруг не было никогда. Только няньки, да Кэтрин. А потом и Элис присоединилась к этой кучке взрослых тетюшек, наставляющих меня. А так хочется с кем-то расчесывать друг другу волосы и делиться секретиками. Вместо этого приходится вести дневник и бегать с мальчишками на развалины. И то, последнего меня лишили.

– Потому что юной леди не следует водиться с оборванцами, – я с недовольной гримасой копировала голос Кэтрин.

И тут в моей голове родился план. Выскочив из комнаты, я пробежала через гостиную к выходу.

– Лиззи, ты куда?! – отец все еще сидел в кресле.

Я остановилась у двери.

– Мне нужно кое-что прикупить, я быстро.

– Что это ты собралась купить? – громко спросил отец.

– Эмм, мороженое, – я достала из кармана юбки шиллинг и продемонстрировала отцу.
– У меня даже есть монетка на целых четыре унции!

Отец громко выдохнул густой дым.

– Скоро придет Элис, не задерживайся.

– Я мигом, – бодро ответила я и выскользнула за дверь.

Я спустилась вниз по улице, ловко избегая столкновений с прохожими. На перекрестке располагалась столярная мастерская, где делали мебель на заказ. Наши кресла из гостиной как раз оттуда.

– Добрый день, сэр! – звонко поздоровалась я.

– Здравствуй, – ответил высокий мужчина в рабочей форме. – Что здесь забыла юная леди?

– Я бы хотела купить у вас немного клея, – я изобразила полное отчаяние. – Понимаете, я так неосторожно бежала, что задела ножку кровати и от нее отвалился кусочек дерева. Нужно срочно подклеить, иначе матушка будет сетовать! Но у меня есть только один шиллинг.

Я опустила взгляд, неловко поправляя подол юбки. Мужчина смотрел на меня сверху вниз, руками уперевшись в туловище.

– Прямо таки расстроится? – спросил он.

– Именно! – я посмотрела на него слезливым взглядом. – Это очень ценная кровать для матушки!

Мужчина почесал затылок. Немного подумав он ответил:

– Так и быть, выручу тебя, – он пальцем указал на монетку, которую я держала в руках.

– И убери свой шиллинг, купишь себе чего-нибудь.

– Вы – мой спаситель, сэр! – я подпрыгнула от радости.

– Ага, – он повернулся и крикнул вглубь мастерской. – Эндрю, отлей этой леди немного клея.

Получив заветный пузырек, я побежала домой. Нужно было успеть проверить все до прихода гувернантки. Уж в этот раз она точно сбежит из нашего дома и оставит меня в покое!

Меня переполняли радость и предвкушение от затеянного. Я вбежала в комнату и подперла ее стулом. В ящичке стола я взяла кисть, окунула ее в пузырек и стала старательно выводить полосы на твердой поверхности деревянного стула.

– Посмотрим, какую драму вы разведете, Элис, – хихикала я, представляя ее разгневанное лицо. – Фу, какой запах!

Я приоткрыла окно и подставила к нему стул, чтобы клей начал застывать. Но в комнату постучали, а затем начала дергаться ручка.

– Элизабет! – противный голос Элис доносился из-за нее.

– Одну минуту.

Я закрыла бутылек с клеем и спрятала его под кроватью. Затем быстро поставила стул к пианино и закрыла окно. Убедившись, что следы замечены, я отодвинула стул и открыла дверь.

Передо мной нависла высокая фигура в черном платье. Если бы не ее седой залезанный пучок и очки, я бы ни за что не приняла ее за гувернантку. Детомучительницу – да.

Молча кивнув мне, она вальяжно прошла вглубь комнаты и остановилась.

– Что за странный запах? – она поморщилась, от чего морщин на ее лице стало больше.

– Не знаю, – я пожала плечами. – Наверное, с улицы. Я проветривала перед вашим приходом.

– Вот как, – она поправила очки. – Что ж, юная леди, приступим.

Она прошла к столу и сложила на него стопку бумаг и книг.

– Элис, я бы хотела сегодня позаниматься музыкой.

Гувернантка удивленно обернулась в мою сторону.

– Вот как, – ее строгий голос вызывал во мне дрожь. – И что именно вы хотите?

– Петь! – громко произнесла я. – Чувствую, что сегодня сама погода располагает к музицированию и развитию голоса.

– Вот как, – снова эта излюбленная Элис фраза. – Раз уж вы сегодня расположены к творчеству, то почему бы и нет.

Она прошла к пианино и потянулась за стулом. Я замерла в ожидании.

– Элис, – не выдержала я. – А что петь-то будем?

Детомучительница повернулась ко мне, отодвигая стул. Усевшись на него, она открыла крышку инструмента и поставила не него листы с нотами.

– Гаммы, – строго произнесла она.

– Ну, вот, – я сдерживала смех. – Как жаль, я думала, будут песни.

– Рано говорить о мелодиях, – она посмотрела на меня и заметила мою улыбку. – Какая-то вы слишком довольная, Элизабет.

Я демонстративно махнула рукой, приближаясь к ней.

– Всего-то настроение хорошее.

– Вот как, – произнесла она. – Начнем.

Ее длинные тонкие пальцы коснулись клавиш. Раздались резкие, четкие звуки гамм – одна за другой, вверх и вниз. Я стояла рядом с пианино и подражала тональности звуков, периодически поглядывая на стул. Честно говоря, у меня даже ладони вспотели от предвкушения.

– Выше подбородок, – Элис сильнее нажимала на клавиши. – Давай, вот так. Выше, бери выше. Открывай рот шире. Еще шире.

Я ногой отстукивала ритм, пока мое лицо сковывала боль от чрезмерной артикуляции. Надеюсь награда будет стоить жертв.

Спустя час пыток связки уже горели. Элис захлопнула крышку и, поправив очки, произнесла:

– Данные есть, но вы, юная леди, лентяйка!

– Вовсе нет, – я прошла к столу и уселась на стул. – Теперь я готова к арифметике.

Элис удивленно посмотрела на меня. Она попыталась встать, но почувствовала сопротивление.

Я затаила дыхание, исподлобья наблюдая за этой картиной.

Ничего не понимающая детомучительница слегка подпрыгнула на стуле, но клей уже успел схватиться и плотно прилегал к шерстяному подолу ее юбки.

– Юная леди, – строго и громко позвала она меня. – Я уверена у вас найдется оправдание.

Элис сидела приклеенная к стулу и отстукивала костлявыми пальцами по крышке пианино.

Подавляя смехок, я ответила:

– Мне кажется, вы излишне драматизируете, Элис.

– Вот как, – ее пальцы повисли в воздухе. – Что ж, вы сами напросились.

– А вы сначала встаньте, – рассмеялась я и стала медленно пятиться к двери.

– Элизабет! – Элис стала подпрыгивать на стуле, пытаясь оторваться от него. Но то ли клей был слишком хороший, то ли Элис слишком стара – получалось у нее плохо.

Я продолжала пятиться хихикая и наблюдая, как лицо гувернантки становится багровым. Она все еще прыгала на стуле, пока наконец не раздался треск и Элис подпрыгнула, едва удержавшись на ногах.

Элис медленно опустила взгляд на стул – на нем осталась приличная часть ее юбки.

Уже у двери я быстро развернулась и тут же уткнулась в отцовский пиджак. В нос ударил запах табака и парфюма, а вместе с тем и мое сердце ушло в пятки.

Я медленно подняла глаза и встретилась с его недовольным взглядом. Он сложил руки на груди и лишь молча смотрел на меня. На его подбородке все также красовалось бурое пятно, похожее на кровь.

Я попятилась назад, но он уверенно шел на меня, и почти не оборачиваясь закрыл дверь. Элис тут же опустилась на стул и пустилась в громкий плач.

– Лиззи, – наконец заговорил отец металлическим голосом. – Ты переходишь всякие границы.

Мои щеки запылали. Я стыдливо опустила голову. Недолго длился мой триумф.

– А у тебя пятно на подбородке, – буркнула я.

Отец поднял руку и стал растирать уже сухое пятно, крошками осыпаящееся с его подбородка.

– Это не твое дело, юная леди. Немедленно извинись перед Элис и спускайся вниз. Нас ждет серьезный разговор.

Отец вышел из комнаты, хлопнув дверью. От неожиданности я вздрогнула.

Элис по-прежнему рыдала. Я повернулась к ней и бросила:

– Извините, Элис.

Она ничего не ответила, лишь махнула рукой, что означало только одно: *«Убирайся с глаз моих.»*

Я опустила голову и побрела вниз на казнь.

В гостиной было темно и душно. Отец сидел на диване и, завидев мою медленно приближающуюся фигуру, похлопал по свободному месту рядом.

Я послушно села, выпрямив спину и сложив колени вместе. Моя голова была опущена и кроме своих щек и подола юбки я ничего не видела. Сердце билось так сильно, готовое вот-вот вырваться из груди.

Отец выдержал мучительную паузу. Затем он всем телом повернулся ко мне.

– Лиззи, – строго начал он. – Мы перестаем справляться с тобой. Что же нам делать?

– Не знаю, – пробормотала я.

– И мы не знаем, – он достал из внутреннего кармана трубку и постучал ею по столику. – Ты слишком много стала себе позволять. Даже Джон не устраивает нам таких сцен.

– Ну, вот и живите с Джоном и радуйтесь, – дрожащим голосом протараторила я.

– Слезы нужно было лить раньше, когда ты клеем обмазала стул, – отец даже не почувствовал мне. – А если Элис больше не захочет с тобой заниматься?

Я закусила нижнюю губу, сдерживая слезы. Даже сейчас он говорит о том, что интересует его, а не то, что волнует меня. Наверное, поэтому мы разорились.

– Я не хочу, чтобы она приходила, – тихо произнесла я. – Уеду в пансион, а вы даже и не вспомните об Элизабет!

Отец громко выдохнул густой горький дым. Я поморщилась и ладонью рассеивала его.

– Лиззи, ты наша дочь, как мы забудем о тебе? И, кстати, про пансион. Ты уезжаешь через неделю, так что Элис тебя больше не будет раздражать.

Я подняла удивленный взгляд на отца. Он мягко улыбнулся мне.

– Как через неделю?

– Мы немного переиграли, будет лучше, если ты отправишься туда к открытию женского корпуса.

9 октября 1960 года

Осталась всего неделя до того момента, когда я попрошаюсь с привычной жизнью в Уитби. С одной стороны, мне не терпелось очутиться в пансионе, ведь тогда я наконец смогу обрести подруг. А с другой стороны, как прежде уже не будет. Я не смогу более насладиться редкими солнечными лучами, задувающим ветром и мягким креслом у камина. К тому же, я обещала Дереку, что уеду через месяц, а теперь выходит, что я лгунья.

Ранним утром я поднялась к чердаку и стала громко тарабанить по двери.

– Джон, открывай! Я знаю, что ты здесь! – с непривычки каждый удар моего кулачка отражался тупой болью.

За дверью послышался шум и приближающиеся шаги. Они остановились за дверью.

– Чего тебе? – он не открыл дверь. – Опять маменька сетует?

– Нет, открой, – я стала дергать за старую металлическую ручку. – Дело серьезное!

– У тебя других и не бывает, – вероятнее всего, он закатил глаза, но наконец щелкнул замок и сонный братец предстал передо мной во вчерашнем пиджаке.

Я окатила его оценивающим взглядом и, ни секунды не мешкая, юркнула внутрь. Братец не ожидал моей напористости и немного отшатнулся.

На удивление, в этой забвенной комнатухе с окном на потолке было довольно чисто. Неужели Джону настолько нравится здесь торчать, что он даже прибрался. И даже старое местами порванное кресло казалось приличным. Я удивленно обернулась на брата.

– Не вижу причины не впускать меня сюда целых два года, – усмехнулась я.

Братец сложил руки по бокам и демонстративно громко зевнул.

– Потому что ты слишком шумная, – он придвинул стул к креслу.

Я была польщена его галантностью и уже было собралась сесть в удобное кресло, как Джон опередил меня и занял его. А потом и вовсе закинул ноги на стул и сложил руки на груди.

– Так что тебе нужно? – довольным голосом спросил он.

Как же я могла допустить мысль о добродушности Джона? Он и вежливость – два противоположных полюса. Противный братец! Меня распирало от его наглости и вседозволенности, но устраивать ему взбучку сейчас не было в приоритете. Мне нужна его помощь.

Я прошла в центр комнатки и села прямо на пол. Прямо под окно. Я села так, что свет сверху подсвечивал меня. Проигрывать нужно красиво, в конце концов.

– Мне нужно улизнуть из дома, – я смотрела прямо в его наглые глазища. – Но так, чтобы никто не узнал об этом.

Он вскинул бровь. А я продолжила сверлить его взглядом.

– А я тут причем?

– У тебя наверняка есть дела в городе, – я уткнулась в пол. – Сделай вид, что возьмешь меня с собой, а потом вместе вернемся домой.

– У меня никаких планов.

– Так придумай их!

Джон покосился на меня и рассмеялся. Он встал с кресла, случайно опрокинув стул, и наклонился ко мне.

– И получить от родителей за твои очередные проказы? – он сложил руки по бокам. – Ну, уж нет. Мне хватило прошлого раза.

Когда мне было 10, а Джону – 12, я убедила его в том, что у берега плавает огромный кит. Я и сама верила в это. Джон весь промок, пытаясь отыскать кита в ходном море. Я испугалась, когда родители стали расспрашивать нас о произошедшем. И тогда я свалила все на Джона. А теперь он напоминает мне это при каждом удобном случае.

– Я была несмышленным ребенком, – не сдавалась я.

– Ты и сейчас такая же!

Выхода не осталось. Придется применить мое самое сильное оружие. Я уже готова была пустить слезу и молить его о помощи, как вдруг заметила под креслом торчащий цветной уголок.

Минуя Джона, я подползла и достала его. Победоносная улыбка растянулась на моем лице.

– Как думаешь, Джон, папа сильно обрадуется, узнав про твою любовь к чтению? – я обернулась и продемонстрировала ему свою находку.

Казалось бы, простой журнал с незамысловатым названием «Подросток». Но пролистав быстро его страницы, я увидела столько так ненавистной отцу современной молодежной одежды, музыкантов, чьи пластинки с большей вероятностью были бы сожжены в нашем камине.

Чем шире становилась моя улыбка, тем сильнее в ужасе искажалось его лицо. Братец знал какие последствия ждут человека, принесшего в наш «культурный» дом такую низкосортность.

Он подлетел ко мне и попытался выхватить журнал, но я успела увернуться так, что Джон головой влетел в мягкую обивку кресла.

– Дай сюда! – он пополз в мою сторону. – Так и знал, что тебя нельзя пускать сюда, выскочка!

Я подбежала к двери и ухватилась за ручку.

– Не шуми, братец, – я подражала манере Кэтрин. – А то на шум сбежится вся семья.

Джон поднялся на ноги и стал медленно подходить ко мне, выставив руки вперед.

– Нет-нет, – я покачала головой и дернула ручку. – Стой на месте.

– Отдай! – тихо прошипел он. – Иначе пеняй на себя!

Я спрятала журнал внутрь своего жакета.

– Получишь журнал обратно, если поможешь мне, болван.

Джон опустил руки. Он слегка улыбнулся и ответил:

– Твоя взяла, – его щеки пылали. – Но есть одно условие: я пойду с тобой и проконтролирую тебя.

– По рукам, – я быстро выскочила за дверь, пока он не передумал.

Мне показалось, что спрятать журнал под подушкой – отличная идея. По правде говоря, я и сама хотела полистать его вечером прежде, чем вернуть брату. Поправив подушку, я задержала руку на кровати. Такая ожидаемо мягкая, скрипит, когда переворачиваешься на другой бок. Столько снов и слез впитала она в себя, а уже через несколько дней вместо моего теплого дыхания – пыль.

За дверью послышались голоса. Я подкралась и прильнула к холодному дереву. Голоса разносились из родительской комнаты. Я тихонько приоткрыла дверь – их дверь закрыта. Почти бесшумно проскочив к ней, я наклонилась к замочной скважине, подставив ухо.

– И что же нам теперь делать? – мама говорила с отцом на повышенных тонах. – Нам нужно продать их!

Я затаила дыхание. Было очевидно, что денег у нас немного, но чтобы настолько.

– Это фамильные картины, – отец был на взводе. – Их подарила моему деду сама графиня Спаркс!

«Спаркс? Это же фамилия той, от кого скрывается мистер Робертс!» – внутренний голос немного отвлек меня. Я придвинулась еще ближе, почти касаясь мочкой холодного металла.

– Нам нечем платить за содержание дома! – мамин голос был таким, словно она прямо сейчас разрыдается. – Ты не думаешь о том, что мы останемся на улице?

– Я постоянно думаю об этом, Марта, – чиркнула спичка. – Ищу способы вернуть нашей семье былую жизнь, где нет нужды. Но на это нужно время. Придется потерпеть.

– С тех пор, как мы покинули наше поместье, прошло уже 16 лет, – громко вздохнула мама. – Наши дети не знают той жизни, пойми ты уже наконец. Все! Времена меняются, нам нужно действовать, а не воображать.

Для меня это стало большой новостью. Я думала, что мы всегда жили в Уитби, что это наше родовое гнездо. А выходит так, что нужда заставила родителей перебраться в глубинку.

– Что ты имеешь в виду?

– Я нашла работу, требуются рабочие на производство консервов. Женщин тоже туда берут – у них большой дефицит рабочей силы.

Послышался громкий хлопок. Вероятно отец ударил по столу.

– Марта, ты в своем уме? – его металлический голос заставил дверь дрожать. – Ты – потомственная графиня будешь бок о бок с простолюдинами? Нет, это исключено. Женщины в моей семье никогда не работали, их задача заниматься домом и детьми.

Послышались приближающиеся шаги. Я быстро отпрянула от двери, но успела услышать:

– Элизабет права, ты застрял в аристократических сетях и все никак не выберешься, – дверь в их комнату открылась как раз в тот момент, когда я уже успела юркнуть в свою.

Я была в смятении от услышанного. Получается, море и Уитби – это только мой дом? Если они переехали 16 лет назад, то них уже был Джон. Я сползла вниз на пол и поджала ноги под себя. Если так случится, что родителям придется вновь переехать, то меня оставят без единственного места на Земле, которое я считаю домом. Как же так вышло, что все мы из одной семьи, а я – чужая?

В дверь громко постучали. Я нехотя поднялась и открыла ее. Это был Джон.

– Что за кислая мина? – он закатил глаза. – Идем.

– Иду, – я побрела за ним.

Все небо заволочло тучами из-за чего казалось, что уже поздний вечер, а не раннее утро. Ветер забирался под жакет и неприятно покалывал кожу. Я руками обхватила себя и шла рядом с Джоном.

– Так куда тебе нужно? – он остановился, когда мы уже прилично отошли от дома.

– Я хочу попрощаться с Дерекком, – я подняла на него взгляд полный печали. – Кто знает, когда еще мы увидимся.

– И всего-то, – братец усмехнулся и пальцем поддел мой нос. – Развела тут целое представление.

– Ну тебя, – я почесала нос и повернулась к пристани. – Джон, как думаешь, люди быстро забудут обо мне?

Джон удивленно посмотрел на меня. Его рука оказалась на моем плече.

– Тебя-то? – он мягко улыбнулся. – Элис тебя точно не забудет. Ты переживаешь из-за пансиона?

– Немного, – глаза стали намокать. – Я боюсь, что без меня все продолжится своим чередом, словно и не существовало никогда в городе Уитби Элизабет Коллинз.

– Я, честно говоря, не рад твоему отъезду, – он поднял глаза вверх. – Можно было обойтись и без этих старомодных излишеств. Но ты сама знаешь: с отцом спорить бесполезно. Ладно, пойдем, нужно успеть до того, как тут все затопит.

– Угу, – вдалеке раздался гром.

Мы шли вдоль берега, и я глазами выискивала Дерекка. В это время он должен быть еще на пристани, потому как помогает отцу с промыслом. Я буду скучать по беззаботным денькам, проведенным в этом месте.

Наконец вдали я увидела знакомый силуэт. Дерек шел в сторону лодки, а на его плече лежала большая сложенная рыболовная сеть, закрывающая лицо. Но это определенно был он. Эту походку с упором на одну ногу я узнаю из тысячи.

– Иди, я здесь подожду, – Джон кивнул в сторону моего друга. – Только недолго, вот-вот полет.

– Спасибо, – я улыбнулась ему и громко стуча подошвами туфель побежала к Дереку.

Я бежала под шум волн. Мои волосы развевались на ветру и наконец-то не лезли на лицо. Невероятный прилив сил разогревал меня изнутри, заставляя кровь быстрее бежать по венам. Если моя свобода – это вот так бежать вдоль берега в неизвестность, то это – наивысшая точка счастья.

В этом моменте не существовало ничего, кроме меня и громких порывов ветра, от которых перехватывало дыхание. Ноги сами несли меня, я почти не чувствовала усталости, наоборот, я готова была бежать так целую вечность.

– Дерек! – прокричала я ему в спину, догоняя.

Он повернулся и остолбенел. Но тут же на его лице блеснула приветственная улыбка. Дерек стал идти в мою сторону.

– Привет, Элизабет! – звонко сказал он. – Какими судьбами ты здесь?

Я остановилась возле него. Сердце бешено колотилось, а из носа словно выходил горячий пар. И тут же мое тело пронзил холодный порыв ветра, болезненно обжигая разгоряченную кожу.

– Дерек, я... – я запнулась не в силах справиться с подступающим к горлу комом. – Я уезжаю через несколько дней. Родители решили отправить меня раньше.

Рыболовная сеть рухнула на пол также, как и улыбка сползла с его лица. Он приблизился ко мне и удивленным голосом спросил:

– Как через несколько дней? Ты говорила месяц.

Я потупила взгляд. Мои ладони стали ледяными.

– Получается, я врушка, – мой голос дрогнул.

– Но ты же будешь приезжать? – обеспокоенно спросил Дерек.

– Я не знаю, – я шмыгнула носом. – Я надеюсь.

– Тогда пиши мне письма, и я буду тебе писать. Только ты первая пришли, чтобы я знал обратный адрес.

Я посмотрела в его глаза. Круглые, с длинными ресницами и густыми бровями. Они были наполнены печалью и надеждой одновременно.

– Тогда, – я порылась в кармане юбки и достала монетку. – Вот, это все, что я могу тебе оставить на память. Она – моя ровесница. И твоя тоже.

Дерек медленно протянул руку и аккуратно взял монетку.

– Холодная, – он поднес ее к лицу. – И вправду, ровесница.

На голову стали падать крупные капли, что означало только одно: пришла пора прощаться.

– Мне пора, Дерек, – горько произнесла я. – Джон ждет меня.

– Надеюсь, еще свидимся.

Дерек сделал шаг вперед и крепко обнял меня. Это было настолько теплое объятие, что даже холодный дождь не мог его остудить. Я крепко обхватила Дерек руками и сцепила их за его плечами.

Я бы хотела запомнить каждое мгновение, каждое лицо, каждый смех и каждое свое приключение в Уитби. Я пронесу эти воспоминания сквозь годы и каждое дуновение соленого воздуха будет напоминать мне о моей юности, проведенной здесь.

– От тебя рыбой пахнет, – с улыбкой произнесла я.

10 октября 1960 года

Вчера мы с Джоном вернулись домой промокшие. Кэтрин нас целый вечер отпаивала чаем и приговаривала, какие мы неосторожные к своему здоровью. Ей бы только нотации читать.

А ночью мне приснился сон. Такой необыкновенный. Я стояла в неизвестном мне порту и наблюдала приближение огромного лайнера. Даже сквозь сон я чувствовала свое затаившееся дыхание и громко бьющееся сердце. На мне было красивое длинное платье, такое, какие носили еще при «Бабушке Европы». А мои непослушные кудри были еще длиннее и красиво собраны тяжелым гребнем. Тем самым, что подарил мне мистер Робертс.

Я стояла на краю, ожидая кого-то неизвестного, но уже всеми фибрами предвкушала встречу с кем-то, кто был очень важен мне в моем сне.

Наконец, по небольшому помосту спустился молодой человек. Он был ненамного старше меня. Яркие, почти неестественно, голубые глаза и мягкая улыбка. Он был одет в коричневый шерстяной пиджак и брюки в тон. Завидев меня, он радостно помахал мне и побежал навстречу мне.

Молодой человек так быстро приблизился к мне, и я увидела в его руках из ниоткуда взявшийся саквояж. Мы стояли так близко к друг другу, что я слышала биение его сердца.

Он смотрел на меня так тепло, что я невольно засмушалась. Неизвестный подал мне руку и, ни секунды не раздумывая, я вложила свою. Такая холодная. Я подняла на него взгляд и заметила трещины на коже, словно это и не лицо, а фарфоровая кукла.

– Ты среди нас, Элизабет Коллинз, – произнес он прежде, чем я открыла глаза от раската грома за окном.

Я накрылась с головой одеялом и попыталась снова уснуть. Но сон никак не шел. А мне так захотелось расспросить неизвестного. Досада!

Еще какое-то время поворачиваясь с одного бока на другой на скрипучей кровати, я окончательно проснулась. Я подтянула руки в спинке кровати, потягиваясь.

В дверь постучали. А следом раздался голос мамы.

– Элизабет, ты спишь?

– Уже нет, – зевнула я. – Входи.

Мама тихо приоткрыла дверь и прокралась к моей кровати. Она села подле меня и погладила меня по волосам.

– Такая ты соня, Элизабет, – мягко сказала мама.

– Вовсе нет, – я опустила босые ноги на холодный пол. – Просто хотела досмотреть сон.

– И какой такой сон тебя увлек? – улыбнулась мама и боднула меня плечом.

– Красивый, – вздохнула я, опустив глаза в пол. – Мама, а ты будешь скучать по мне?

– А почему я не должна скучать по своей озорной дочурке? – ласково спросила мама.

Я подняла на нее глаза и обняла.

– Не знаю, вдруг я вам надоела.

Мама гладила меня по спине, тепло ее рук проникало сквозь тонкую ткань ночной сорочки.

– Ох, Элизабет, – она говорила, не переставая поглаживать меня. – Как только ты можешь допустить такую гадкую мысль? Без твоего смеха, громких вздохов и топота каблучков в доме станет невыносимо тихо.

– Правда? – я отстранилась и посмотрела на нее.

– Конечно, – мама встала с кровати. – Кстати, я вот, что пришла: сегодня я хочу навестить тетюшку Марию, не хочешь со мной?

– А там будут ее фирменные кексы? – усмехнулась я.

Мама прошла к окну и приоткрыла его.

– Вероятно, будут, – она подмигнула мне.

– Тогда я в деле, – я поднялась с кровати и потопала к платяному шкафу.

Тетушка Мария – одинокая старушка, проживающая на соседней улице. Мама подружилась с ней еще с момента, когда у тетушки Марии была своя небольшая пекарня, собственно, там они и познакомились. Это очень добрая и несчастная женщина, которую война не обошла стороной – на ней она потеряла своих обоих сыновей, а пару лет назад в довольно преклонном возрасте скончался и ее муж. Мы часто с мамой навещали ее, потому что мама искренне прониклась добродушностью и простотой старушки.

Натянув гольфы повыше, я поспешно спустилась в гостиную, где меня уже ожидала мама. На ее плечи было накинуто легкое коричневое пальто, а в руках был зонт. Я подошла к ней и заметила ее удивленный взгляд.

– Ты собрала волосы? – мама осматривала мою макушку. – Какой красивый гребень.

– Да, – я пожалала плечами. – Не хочу, чтобы из-за влажности они торчали в разные стороны. А гребень подарил мистер Робертс.

– Вот как, – мама улыбнулась и открыла дверь. – Значит, сегодня ты у нас точно леди.

Улицу немного подтопило. Я шла, перепрыгивая небольшие лужи. Мне не хотелось замарать свои белоснежные гольфы, иначе бы мне снова влетело от Кэтрин.

Мама шла позади меня и думала о чем-то своем. Я повернулась к ней – она смотрела под ноги и тяжело дышала.

– Все в порядке? – я подошла к ней и взяла за руку. – Ты какая-то грустная.

Ее словно выдернуло в реальность. Мама мотнула головой и опустила на меня слегка потерянный взгляд.

– Все хорошо, милая, – она улыбнулась, но эта улыбка так неестественно растянулась на ее лице. – Призадумалась немного.

– О чем? – не унималась я.

– Знаешь, я думаю тебе следует знать, – мама тяжело вздохнула, собираясь с мыслями. – У нас почти не осталось денег. И твой отъезд в пансион, так любезно оплаченный Джозефом, это единственный шанс хоть немного облегчить наше бремя. У нас даже не хватает на жалованье для Элис. Если бы у меня была возможность, я бы ни за что тебя бы не отпустила. Уитби – твой дом и твое место здесь, с нами.

От этих слов что-то внутри меня сжалось. Я смотрела на почти плачущую от бессилия маму, которое она пыталась скрыть за маской. Меня отправляют, чтобы у меня была возможность вернуться.

Я крепче сжала ее руку.

– Значит, оно к лучшему, – я улыбнулась ей. – И к моему возвращению у тебя больше не будет причины искать работу.

Я осеклась.

– Ты подслушивала наш разговор? – спросила мама.

– Стала случайным свидетелем, – я нервно поправила юбку. – Или невольным соучастником.

Мама ничего не ответила. Лишь вскинула брови и повернулась к дороге. Мы как раз подходили к дому, где в одной из небольших квартир жила старушка.

Жилье тетушки Марии располагалось почти под самой крышей. Я всегда удивлялась, как она поднимается по такой крутой лестнице, от которой у меня, четырнадцатилетней, кружилась голова.

Мама тихонько постучала по металлической двери. Три раза.

– Одну минуту, – раздался голос за ней. – Одну минуту.

Дверь отворилась и на пороге показалась сгорбленная от тяжести прожитых лет фигура тетушки Марии. Но даже несмотря на столь почтенный возраст, выглядела она всегда как с иголочки: аккуратное платье, знавшее еще герцога Кентского, собранные в причудливую улитку длинные седые волосы и перчатки. Тетушка Мария всегда была в перчатках, менялся только их цвет и ткань. А поверх них, не изменяя традиции, золотое кольцо на безымянном пальце левой руки.

– Ох, что за юная красота предстала предо мной! – воскликнула она, хлопнув ладонями.

– Добрый день, Мария, – мама присела в легком реверансе перед старушкой. Она делала так всегда, когда мы приходили, уж не знаю зачем.

– Добрый день, тетушка Мария, – я помахала ей рукой. – Вы, как всегда, неотразимы!

Старушка по-доброму рассмеялась.

– Элизабет Коллинз, я поражаюсь тому, как в вас одновременно и живут, и борются ребячество с вежливостью. К этому у вас определенно большой талант.

Тетушка Мария всегда громко восклицала моим только заметным ей талантам. В прошлый раз это было изящное неряшество.

Я улыбнулась и кивнула ей, поддакивая. Спорить с ней все равно бессмысленно.

Вся ее крошечная квартирка была увешана фотографиями и портретами, которые я любила разглядывать. На них были изображена ее семья и близкое окружение. А на самом почетном месте висела фотография юной тетушки Марии с самой Королевой Викторией! Эту фотографию я любила разглядывать сильнее всего. В то время это было такой редкостью.

– Мария, мы принесли вам немного продуктов, – мама поставила на стол, накрытый кружевной скатертью, небольшую авоську. – Вам так тяжело спускаться уже.

– Не стоило так утруждать! – смущенно ответила старушка и повернулась ко мне. – Юная леди, вероятно, ждет кексов?

– Я бы не отказалась, – ответила я и плюхнулась на стул.

– У меня как раз есть парочка лично для вас, – тетушка Мария подмигнула мне и ушла на кухню, которая одновременно служила и кладовкой.

Мама расставила продукты в ящике у стола и пошла следом за тетушкой Марией, чтобы заварить чай. Без него не обходилось ни одно наше посещение этого места.

Вскоре на столе появился сервиз из тонкого фарфора, такого хрупкого, что если поднести к свету, то можно увидеть тень от пальцев. Я каждый раз боялась ненароком испортить его.

Пока мама разливала чай, тетушка Мария внимательно разглядывала меня.

– Вы сегодня по-особенному прекрасны, Элизабет, – произнесла она и отхлебнула из чашки чай с долькой лимона, который традиционно лежал в каждой чашке.

– Не знаю, – я наклонилась к кексам, вдыхая аромат ванили. – А ваши кексы неизменно аппетитны.

Старушка рассмеялась.

– Настоящий талант! Марта, вам нужно срочно определить эту юную леди в театр. Уверена, там она станет настоящей примой.

Мама тяжело посмотрела на меня, а затем перевела взгляд на старушку.

– К сожалению, Мария, это последний раз, когда Элизабет гостит у вас. Друг нашей семьи оплатил Элизабет обучение в закрытом пансионе, и уже через несколько дней она покинет Уитби.

Тетушка Мария накрыла ладонь мамы своей.

– Тяжело отпускать детей, – горько произнесла она. – Но это для блага юной леди, уверена, другого ты для нее не желаешь.

– Да, конечно, – мама стала быстро моргать, не давая слезам даже проявиться. – Все для лучшего будущего Элизабет.

От этих слов мне стало по-настоящему печально. И даже сладкие кексы не перебивали этот вкус. И даже запить чаем – не помогло. Я уткнулась в чашку, рассматривая свое размытое отражение.

– А что сама Элизабет думает на этот счет? – тетушка Мария перевела на меня любопытный взгляд.

– Не знаю, – я сглотнула ком. – Я до этого не покидала свой дом надолго. Наверное, там будет весело.

– Не вешайте нос, юная леди, – старушка погладила меня по плечу. – Это же прекрасно: увидеть новый мир, познакомиться с новыми людьми.

– Вы, как всегда, правы, – ответила я.

Тетушка Мария поднялась со стула и прошла к комоду, стоявшему у входа в квартиру. Она открыла третий нижний ящик и достала оттуда небольшую коробочку.

– Раз уж мы с вами больше не увидимся, – она поставила коробочку рядом с недоеденным кексом. – То пусть это будет мой маленький подарок юной Элизабет.

– Как не увидимся? Я обязательно вернусь домой, – удивленно спросила я.

– А я – слишком стара, – она рассмеялась. – Ой, а что это у вас за красота в волосах.

Я почувствовала, как она пальцем провела по гребню.

– Это подарок друга семьи, – мама ответила за меня. – Джозефа Робертса. Он как раз взял расходы на ее обучение.

Ее пальцы замерли. Я подняла глаза на тетушку Марию и увидела ее изумленное лицо. Она помотала головой, сбросив неозвученные мысли, и вернулась за стол.

– Открывайте, – сказала тетушка Мария. – Уверена, подарок как нельзя кстати.

Я послушно открыла небольшую бархатную коробочку. В ней лежало серебряное колечко, украшенное синими сапфирами. Я подняла удивленный взгляд на тетушку Марию, а та лишь невинно улыбнулась и кивнула.

– Такое красивое, – я достала и надела колечко на указательный палец правой руки. – Немного великовато.

– Когда подрастете – оно идеально сядет на ваш пальчик, – старушка ласково продолжила. – Будет напоминать вам о Северном море и одинокой старушке под крышей.

– Но мне нечего дать вам взамен, – я аккуратно положила кольцо обратно.

– О, все, что вы могли, вы уже дали мне, юная леди, – она махнула рукой. – Посмотрите: вы сидите со мной, уплетаете мою сдобу, скрашиваете мои скучные будни.

– Спасибо, Мария, – мама посмотрела на меня и едва заметным движением головы указала на старушку.

– Спасибо, тетушка Мария.

Мы еще какое-то время посидели у нее, а потом мама взглянула на наручные часы и мы засобирались домой. Нужно было вернуться к обеду домой.

Провожая нас, старушка остановилась у двери. Мы стояли за порогом и с трепетом смотрела на ту, что возможно вижу последний раз в своей жизни.

– Можно я вас обниму? – смущенно спросила я.

– Конечно, – тетушка Мария раскинула руки в стороны, приглашая меня.

Я подошла и аккуратно обняла ее сторбленную невысокую фигуру. От нее пахло приятным свежим парфюмом. Внезапно тетушка Мария приблизилась к моему уху и тихо прошептала:

– Будьте осторожны, юная леди, мистер Робертс не так прост, как кажется, – дальше она продолжила уже громко. – Берегите себя, и помните, что одинокая старушка под крышей никогда не забудет озорную Элизабет Коллинз.

Меня поразили ее слова. Выходит, что не только я считаю мистера Робертса загадочным. Тетушка Мария явно знала его. Еще и колечко. Уже в комнате я сравнила гребень с ним и

обнаружила кое-что интересное – они были словно из одного комплекта: серебряные, с синими сапфирами. Я рассмотрела колечко поближе и на внутренней стороне обнаружила две буквы: «Р» и «С». Но еще сильнее меня удивили те же буквы и на гребне.

Весь день я только и думала о таинственных подарках, голубоглазом незнакомце и предупреждении тетушки Марии. Настолько меня завлекла загадка, что я совсем забыла отдать Джону его журнал.

Спрятав его под жакет, я поднялась на чердак и без стука вошла. Джон спал после обеда сном младенца. Аккуратно подкралась и бросила журнал под кресло.

Я посмотрела на брата. Такой беззаботный и умиротворенный. Всегда бы был таким. Улыбнулась и вернулась в свою комнату.

13 октября 1960 года

Последние три дня прошли в суматохе перед сборами. Бесчисленные вторжения в мою комнату, перебирание моего стола, наставления отца и ворчание Кэтрин – столько забот свалилось на мои плечи!

Хотя бы братец не надоедал мне своими шутками. Он вообще не выходил из своего убежища, словно так и должно быть. Сидел себе там небось и плакался о том, что никто не будет его донимать.

Мама достала свой огромный кожаный чемодан и пыталась уместить там всю мою жизнь в виде нескольких юбок, жакетов и бесчисленного множества гольфов. Каково было ее удивление, когда оказалось, что чемодан заполнился лишь наполовину.

– Вот дела, – мама посмотрела на безмятежно сидящую на кровати меня. – Как же так вышло?

Я покосилась на раскрытый чемодан на полу.

– Твоя дочь очень миниатюрная, поэтому много места не занимает, – пыталась я подбодрить маму. – Да, и нести тяжелый чемодан – то еще удовольствие, а здесь можно сказать, что налегке.

Мама поднялась с пола и сложила руки по бокам, не отрывая глаз от скудного содержимого. Стук ее ноги отлетал от стен приглушенным ритмом.

– Сиди здесь, – она быстро направилась к двери.

– Я и не собиралась никуда, – я скривила губы.

Казалось, все в этом доме занимались только одним – моими "выпроводами". Все, кроме меня. Потому что мне приходилось ходить за мамой и Кэтрин по пятам, чтобы они ничего не учудили. Вот домоправительница, например, решила, что вязаный плед, который служит покрывалом на моей кровати, обязательно должен поехать со мной. А еще мыло, губка и посуда. Для чего везти все это, если в пансионе все предоставляется?

– Вот, – мама вернулась с сияющей на лице улыбкой. – Посмотри, какая прелесть!

Перед моими глазами оказалось бархатное платье жемчужного цвета. Оно безусловно красиво переливалось серебристыми оттенками на свету, но выглядело, мягко говоря, старомодно.

Я подняла глаза на довольную маму.

– И вправду красивое, – я дотронулась до мягкой ткани. – Но зачем мне платье?

– Ох, Элизабет, – мама вздохнула и нежно потрепала меня по голове. – В пансионе будут проходить званые вечера, рождественские, например. И наряды – обязательная часть любого торжества.

Честно говоря, я даже не представляла себя в нем. Расстраивать маму не хотелось, поэтому, изобразив полное восхищение, я ответила:

– Я буду королевой в таком наряде, ведь так?

– Безусловно, – мама уловила мою игру и присоединилась. – Все вздыхания мальчишек будут твоими!

Мои щеки налились. Как она могла так беззаботно говорить об этих несуществующих мальчишках!

В 8 утра мы уже стояли всей семье на станции Уитби-Уэст-Клифф. Поезд уже прибыл, и шершавый голос из рупора объявил о посадке. По планам мы с папой должны добраться до Лондона, где нас встретит одна из преподавательниц пансиона. И оттуда, минуя Париж и Берн в Гштаад. Мне становилось дурно от одной мысли о длительности пути, но одновременно с этим я замирала в предвкушении и воображала себе виды, которые до этого видела только в газетах и реже по телевизору.

Наконец мы оказались у нужного вагона. Папа что-то шепнул маме, пока мой взгляд скользил по лицам родных. Мои колени немного дрожали.

– Ох, милая Элизабет, – мама крепко обняла меня и поцеловала в макушку. – Как я буду по тебе скучать!

– И я, – мои руки крепко обхватили ее. – Очень сильно буду.

Следом подошла Кэтрин, размазывая слезы платочком.

– Как быстро вы растете, – сказала она дрожащим голосом. – Была такой крохой, а теперь уже совсем взрослая.

Я взяла ее за руки и крепко сжала их.

– Мне будет не хватать ваших наставлений и сотни рецептов жареной картошки, – сквозь улыбку произнесла я.

– Озорница! – рассмеялась Кэтрин, продолжая растирать уже красные глаза.

Джон стоял позади них и сверлил меня взглядом. Даже не удосужился улыбнуться! Я подошла к нему и слегка дернула за рукав пиджака.

– Ты что, не будешь скучать по мне? – театрально протянула я.

– Еще чего, – сказал он и рассмеялся. – Пока дом проветрится от тебя, ты уже успеешь вернуться.

– Болван! – я приобняла его, пока он закатывал глаза. – Надеюсь теперь за тебя возьмутся.

– Лиззи, нам пора, – сказал отец.

Уже заходя в вагон, я напоследок обернулась на провожавших меня близких. Неуверенно помахала им и пока страх не победил, быстро прошла вглубь узкого прохода.

Наш вагон насчитывал 64 места и 16 столов – по 4 пассажира в каждом. На мое удивление, он был полон людей, вокруг раздавались возгласы и смех на разных языках. Я остановилась у входа и немного замаялась. Папа к этому времени уже нашел наши места в самом центре этого хаоса и раскладывал вещи. Он обернулся, что-то приговаривая, но не обнаружив меня рядом, стал обеспокоенно озираться по сторонам.

– Лиззи! – громко крикнул он, прорываясь сквозь шум. – Не мельтеши, давай сюда!

Я приподняла длинную юбку и проскочила между столиками. Состав к этому времени тронулся и резко дернулся с места. Пол стал уходить из под ног и я влетела прямо папе в руки.

– Аккуратней, юная леди, – он приподнял меня и усадил на мое место у окна. – Нужно придерживаться, когда идешь по вагону.

– А за что мне держаться? – я одарила его недоумевающим взглядом. – Здесь нет ни поручней, ни подставок.

– За край сидений, – он устало выдохнул и потянулся за табакеркой. – Не бойся, все как и должно быть.

Ноги неприятно тряслись вместе с полом, а громкий гудок резал слух, перекрикивая голоса вокруг. Я положила руки на исцарапанный лакированный стол с небольшим круглым пятном. Стол тоже трясло, пока я пыталась расковырять это темное пятно.

– Это след от горячего, – сказал звонкий голос с акцентом.

Я подняла глаза и только сейчас заметила наших соседей по столику. Двое молодых людей в ярких балахонах и сильным загаром сидели напротив нас.

– Теперь придется ехать с этим надоедливый следом, – невзначай ответила я.

Тот, что сидел напротив меня смущенно улыбнулся, обнажив свою улыбку без одного зуба. Я неприлично долго разглядывала пустоту, поэтому папа легонько ткнул меня локтем в бок.

– Простите ее, господа, – отец выдохнул густое облако дыма, тут же добавив к запаху угля и специй табачный оттенок. – Как вам наш скромный прибрежный городок?

– О, ничего страшного, все мы жаждем познать мир, – молодой человек поднял ладони, на которых проглядывали следы рыжеватой краски. – Прекрасный город, но гораздо холоднее, чем в Лондоне.

– Так вы из Лондона? – папа заинтересованно наблюдал за попутчиками.

– Да, – улыбнулся второй. Его зубы были на месте. – Уже как 6 лет наш дом здесь. Радж, конечно, скучает по пестрому колориту Дели, но здесь нам нравится.

– А почему вы уехали? – спросила я.

Отец окатил меня строгим взглядом и покачал головой.

– Лиззи, неприлично расспрашивать незнакомцев о таком.

– Простите, – я стыдливо опустила глаза.

– О, ничего страшного, – снова заговорил первый, который вероятно и был Раджем. – Мы с Кави – братья, приехали на сюда на заработки, потому что сейчас у нас тяжело. Думали, заработаем за пару лет и обратно, но так и остались. Все же, здесь жизнь совершенно другая.

Папа затушил сигарету о пепельницу на столе, вдавливая ее в стекло.

– Раз уж моя дочь начала этот разговор, могу я поинтересоваться: почему вы решили приехать именно в Великобританию?

Кави смущенно посмотрел на брата, и Радж взял на себя ответ на столь неудобный вопрос.

– Мы уже были знакомы с вашей культурой, она сильно проникла в уклад жизни Индии, – улыбка сползла с его лица. – К тому же знали немного язык, поэтому и решились.

Папа замаялся, было видно, что ему неловко было слышать этот ответ. Элис рассказывала мне, что Индия долгое время была колонией, но я всегда думала, что там живут такие же люди, как и мы. А они совсем другие: даже их внешность отличалась.

Этим двум, наверное, очень тяжело было уезжать так далеко от родных мест, но при этом они не унывали. Наверное, мне тоже не стоит так сильно горевать.

Дальше разговор совсем не клеился и братья лишь молча стали смотреть в окно. Я последовала их примеру, наблюдая за тем, как поля сменялись рощами, вересковые пустоши – я уже бывала в Йорке и мы проезжали эту местность на автомобиле. Но сегодня природа за дрожащим стеклом выглядела совсем иначе, напоминая полотна живописцев.

Спустя пару часов и одну остановку в Гоутленде, мы прибыли в Йорк, который встретил нас огромным величественным вокзалом со стеклянной крышей. Вокруг царил суматоха – толпы людей с чемоданами и тележками быстро перемещались по зданию. По сравнению с вокзалом, в вагоне царил тишина. Я невольно поежилась, придвинувшись ближе к отцу.

– В 11:05 у нас отправление в Лондон, – отец посмотрел на наручные часы. – Ты голодна, Лиззи?

– Нет, – не отрываясь от переливов на колоннах ответила я. – Аппетита нет.

– Хорошо, – отец тяжело выдохнул. – Пообедаем в вагоне-ресторане. Нужно позвонить домой, пойдем.

Я поплелась вслед за ним, стараясь не отходить от папы, чтобы не потеряться в толпе.

Мы с папой втиснулись в высокую красную будку, и он закинул пару монет в специальный отсек. Поднеся увесистую трубку к уху, он набрал номер.

– Марта! – его голос отскакивал от стенок. – Мы в Йорке, все хорошо, скоро пойдем на платформу.

Он облокотился головой на стенку, закатывая глаза. Теперь понятно, в кого Джон такой.

– Да, все хорошо, Лиззи прекрасно справляется, – он опустил на меня взгляд. – Мама хочет поговорить с тобой.

В моих руках оказалась тяжелую трубку. Я поднесла ее к уху, и из нее раздался шершавый голос мамы.

– Элизабет, милая, ты хорошо себя чувствуешь? – ее голос был взволнован.

– Да, я в порядке, – я улыбнулась. – Вы там уже закатали большой ужин по случаю моего отъезда?

– Ох, Элизабет! – мама взвизгнула. – Как ты вообще можешь так подумать! Даже твой братец сидит весь опечаленный, уж не знаю, с чего бы.

– Вот как, – я спародировала манеру Элис и посмотрела на отца, показывающего на часы. – Нам уже пора, пока!

– Хорошей дороги, милая, – связь оборвалась.

В 13:30 мы уже прибыли в Кинг-Кросс. Все время мы просидели в вагоне-ресторане, где нам подавали йоркширский пудинг и ростбиф, который по вкусу напоминал пресную резину, вместе с чаем. Я ела без особого удовольствия, представляя вместо жесткого мяса запеченную треску Кэтрин. Папа решил ограничиться лишь скотчем, медленно потягивая свою порцию всю дорогу.

– Лиззи, не отходи от меня ни на шаг, – строго наказал папа, когда мы вышли с вокзала.

– Хорошо, – кивнула я.

После бескрайнего моря, холодных уютных улочек Уитби и бескрайних полей Йоркширского графства, мы оказались в эпицентре грязи, странных построек и спящих тут и там подозрительных групп. Даже воздух здесь был кисловатым с примесью чего-то химического.

Вдалеке стоял черный автомобиль, который явно выделялся на фоне некрасивых серых зданий. Как только мы перешли дорогу, автомобиль стал приближаться, остановившись прямо возле нас.

Сначала вышел водитель, одетый в строгий костюм и белые перчатки. Он обошел автомобиль и, открыв пассажирскую дверь, выставил руку, на которую тут же легла хрупкая белая ладонь. А следом высунулась высокая худощавая женщина. Часть ее лица была скрыта широкими полями элегантной шляпки. На ней было невероятное черное платье, которое подчеркивало все достоинства фигуры.

– Приветствую, – сухо произнесла женщина с французским акцентом. – Семья Коллинз?

– Добрый день, – отец приветственно кивнул. – Верно, а вы...

– Ирэн дэ Тусант, – она окинула меня холодным изучающим взглядом. – Элизабет Коллинз готова следовать до Гштаада?

Она подняла голову и я смогла рассмотреть ее лицо. Изящные черты лица, элегантно подчеркнутые бордовой помадой, а светлые голубые глаза обрамлены в вуаль из темных теней. На вид ей было не больше 20 лет. В разговорах упоминалось, что Ирэн преподаватель, но я не думала, что в пансионы нанимают столь юных особ.

– Немного волнуюсь, – я стушевалась под ее пристальным взглядом.

– Волнение пройдет, – она поправила шляпку, то и дело норовящую улететь от ветра. – Мсье Коллинз, вам нужно время попрощаться?

Папа посмотрел на меня, а затем медленно перевел взгляд на Ирэн. От его взгляда мне стало не по себе.

– Мадам, я предполагал, что сопровожу дочь до Виктории, – пробормотал папа.

Ирэн дэ Тусант недовольно цокнула языком и сложила руки в замок. Меня возмутил ее жест, но боялась я ее сильнее, чем было мое возмущение.

– Планы изменились, мы поедем на этом прекрасном и надежном автомобиле. Так будет быстрее.

– Но ехать на поезде гораздо комфортнее, – папа попытался возразить, но столкнулся с холодным молчаливым отказом.

– Папа, не переживай, – я дернула его за рукав. – Я позвоню, как только мы доберемся.

Папа опустил на меня глаза. Мне показалось, что их уголки слегка блестели. Он присел и теперь я смотрела на него сверху. Папа взял меня за руки.

– Лиззи, веди себя подобающе, не отходи от мадам дэ Тусант во время остановок, – он говорил только о правилах. – И обязательно позвони нам, ты помнишь наш телефон?

– Помню, – я опустила взгляд.

– И помни, ты – сердце нашего дома, без тебя Уитби станет совсем холодным, – он поднялся на ноги и приобнял меня.

Мои руки неуверенно обхватили его плечи.

– Я тоже вас люблю и буду по вам скучать, папа.

После того, как мой чемодан уложили в багажник, а мы все уселись на кожаные сиденья, дверь автомобиля захлопнулась. Водитель сел за руль и завел мотор.

Я обернулась и посмотрела на оставшегося на дороге папу. Он стоял и махал уезжающей мне. Я помахала ему, и повернулась обратно. Ирэн смотрела в окно, не обращая на меня никакого внимания.

15 октября 1960 года

Это были невыносимые два дня! Меня мучило от запаха бензина и бесконечной тряски по дорогам. И эта Ирэн дэ Тусант – просто отвратительна! Она не произнесла ни слова мне, а все мои попытки заговорить с ней обрывались на паре бестолковых реплик. Ни разу не побеспокоилась обо мне! Если она будет преподавать у меня что-то, то я буду очень возмущена! С паром она вообще исчезла, вернувшись уже в Кале, из-за чего у пограничника возникли вопросы к водителю.

Всю переправу я просидела в машине, глядя на сырые стены трюма и слушая, как вода глухо бьется о борт. Когда мы наконец выехали на французскую землю, меня слегка подташнивало, то ли от качки, то ли от нервов.

Даже удивительные виды приграничных районов не спасали ситуацию. Все два дня в пути я мечтала только об одном – лечь в кровать и заснуть. Желательно вообще без пробуждения, чтобы Джон точно пустил скупую слезу.

Когда мы пересекали границу с Швейцарией, Ирэн позволила мне немного размять ноги – очередь из желающих посетить страну была бесчисленной, а мы оказались чуть ли не в самом ее конце.

– Мадам, можно задать вам вопрос? – она вышла из машины вслед за мной и следила за каждым моим движением.

Ирэн недовольно цокнула языком и пренебрежительно махнула рукой.

– Что вас интересует? – сухо спросила она.

Я сделала глубокий вдох и задержала дыхание.

«Не время, Элизабет, не то эта кислая морда бросит тебя здесь.»

– Как вы переносите столь длительную поездку? – я незаметно приблизилась к ней, но кислая морда тут же отошла.

– Моя курочка, – она хищно улыбнулась, обнажив белоснежные зубы. – Во всем важен опыт, но вы тонко подметили: в этот раз поездка не задалась. Интересно почему?

Она нарочито подщепнула пальцами подбородок, изображая глубокое размышление.

– К чему вы клоните? – я почувствовала, как начинаю вскипать от усталости и ее чопорности.

– Не знаю, – она пожала плечами и изящно вскинула руку. – Наверное, не повезло с попутчицей.

– Вы! – я топнула ногой, но весь мой пыл утих, когда наши взгляды встретились.

Ирэн медленно подошла ко мне и дотронулась до моих волос. От нее веяло холодом и каким-то странным парфюмом.

– Я? – она наклонила голову, ухмыляясь. – Мне даже стало интересно, продолжайте.

– Вы – вредная, – я опустила глаза, не выдержав натиска ее властного взгляда.

Ирэн рассмеялась, ее смех был одновременно приятным и пугающим. Я почувствовала, как мои ладони вспотели.

– Моя курочка, – не переставая смеяться сказала Ирэн. – Если бы не влиятельный дружок вашей нищей семейки, то ваши милые кудряшки ни за что бы не очутились в пансионе. Уж очень Джозеф просил за вас. Только смотрю я на вас и никак не пойму, какую цель он преследует: ни манер, ни ума я здесь не вижу.

– Не вам судить о моих талантах, – обиженно фыркнула я. – И уж тем более не оценивать возможности моей семьи.

– С таким подходом вы долго не продержитесь, – прошипела Ирэн. – Так что советую поработать над выдержкой.

Ирэн выглядела молодо, словно у нас разница в возрасте всего пять лет, а разговаривала, как старая сварливая тетка, начитавшаяся книг по этикету. Но спорить было бесполезно, пусть так сурово и было высказано, но эта кислая морда права – без мистера Робертса я бы здесь не оказалась. Только зачем он так просил за меня? Еще и тетушка Мария с ее предостережением.

Выглянуло солнце и от автомобилей стали отскакивать яркие блики. Ирэн недовольно цокнула и быстро села в машину, хлопнув дверью. Теперь понятно, почему она такая противная – она не любит тепло.

А я, наоборот, подняла голову и подставила лицо теплым лучам. Здесь солнце определенно было теплее, чем в Уитби – почти сразу мой лоб немного намок от жара.

Примерно через час мы спокойно пересекли границу и двинулись в путь. После свежего воздуха и небольшой словесной разминки, я, наконец, уснула, облокотив голову на подрагивающее стекло. Проспала я всю дорогу и очнулась, когда мы ехали по горной местности.

Внизу виднелось поселение с разноцветными крышами, спрятанное посреди гор.

– Мы уже приехали? – сонно спросила я. Голова немного гудела.

– Проехали Гштаад, осталось немного, – Ирэн сложила руки на груди. – Пансион находится в горах.

– Я думала, что Гштаад – это большой город, – уши заложило. – А это вон там? – я пальцем указала на поселение.

Ирэн снова недовольно цокнула.

– Это небольшая деревня, – она покосилась в ту сторону. – Как только вас согласились принять.

Уже к сумеркам автомобиль подъехал к огромному зданию из темно-серого камня, окутанного густым туманом. Настоящий замок, а не пансион. Я прилипла к стеклу, рассматривая его.

Главный фасад украшали две остроконечные башни с часами, увенчанные зубчатыми парапетами, между которыми затесался высокий шпиль. Вытянутые узкие окна с арками, расположенные на разной высоте, что было непривычно моему глазу. Несмотря на необычную архитектуру, напоминавшую средневековые замки Йоркшира, пансион не выглядел древним, наоборот, в нем проскальзывал дух современности. Наверное, оно было намерено состарено, подражая классическим традициям, прямо как папа. Я улыбнулась, вспомнив его неловкое объятие.

Водитель поставил на пол чемодан и перекинувшись парой фраз на французском с Ирэн дэ Тусант, поспешно вернулся в автомобиль и под ее пристальным взглядом, шурша колесами по брусчатке, уехал.

– Это пансион «Надежда», – сказала Ирэн, смотря уже на опустевшую дорогу. – Место твоего обучения.

Я смотрела на нее и по спине бегали мурашки от ее статности и отстраненной строгости.

– Это замок? – спросила я, заполняя напряженную тишину. – Очень красивое здание.

Ирэн перевела на меня взгляд и слегка наклонила голову в бок.

– Это бывшее здание отеля, владельцем которого был мой отец, – снисходительно ответила она. – А теперь, по независящим от нашей семьи причинам, его отдали, чтобы возвращать таланты.

На последнем слове на ее лице растянулась красивая издевательская улыбка.

Она перевела взгляд на чемодан, а следом на меня. Под натиском ее взгляда мое сердце билось сильнее – слишком пугающе выглядела Ирэн в вечернем полумраке. Еще и улыбка, словно оскал хищника.

Недовольно цокнув, она уверенной походкой направилась ко входу. Мне ничего не оставалось, кроме как схватить чемодан и, быстро перебирая ножками, догнать ее.

«Быстрая, – мысленно фыркнула я. Я бы хотела показать ей язык, но в последний момент остановилась. – Не время, Элизабет.»

Массивная деревянная дверь отворилась, и мы оказались в просторном холле с большим камином. Запах тлеющего дерева был перемешан с запахом сырости. Прямо, как в нашей гостиной.

Я молча шла за Ирэн, волоча чемодан по плотному ковру, скрывавшему темный деревянный пол. В холле помимо нас было еще два молодых человека в плотной шерстяной форме, состоявшей из коричневого пиджака и брюк. Они стояли за лестницей и о чем-то живо разговаривали. Однако, завидев нас, тут же замолкли и скрылись в глубине под лестницей.

«Они тоже боятся Ирэн? – внутренний голос был обеспокоенным. – Или это из-за меня?»

Сверху послышался ритмичный стук, а следом на лестнице показалась светловолосая женщина в красном бархатном платье. Она элегантно и при этом быстро спустилась к нам.

– Наконец-то, – она подошла к нам и бросила на меня мимолетный взгляд. – Это она?

Ирэн посмотрела на меня и скривила губы. Я крепче сжала кожаные ремешки, натершие пальцы.

– Да, Элизабет Коллинз, 15 лет, – сухо произнесла Ирэн блондинке.

– Так вот как выглядит эта любопытная особа, – она смотрела на меня оценивающим холодным взглядом. – Меня зовут Эмилия Спаркс, я – основательница пансиона.

Мои глаза округлились. Чемодан выскользнул из рук и глухо ударился об пол.

– Но вы искали мистера Робертса, – вырвалось из меня. – А он меня сюда отправил...

От ее холодного взгляда горло чесалось изнутри, но я не отводила глаз. Воздух, казалось, вмиг стал гуще – дыхание перехватывало. Эмилия слегка наклонилась и выдавила из себя улыбку.

– Наша договоренность о вашем обучении состоялась задолго до его пропажи, – ее рука, скрытая белой атласной перчаткой коснулась моей щеки. – А сейчас Джозеф исчез. Мы уже все углы обыскали в поисках, но он, как мышка, неуловимый.

Я задрожала. Не таким я представляла себе первое впечатление о новой главе в моей жизни.

– Я не знаю, где он, – слова вырывались сами под ее пристальным взглядом. – Они с отцом о чем-то повздорили незадолго до моей отправки, после чего мистер Робертс покинул Уитби. После этого я ничего не слышала о нем.

Выслушав меня, Эмилия выпрямилась и поправила свои идеально уложенные волосы. На ее лице отражалась досада. Потеряв ко мне интерес, она приблизилась к Ирэн и что-то шепнула ей на ухо. Ирэн слушала, прикрыв губы и нос ладонью.

– Простите, леди, – я отвела взгляд в сторону. – Я обещала позвонить домой, могу я воспользоваться телефоном?

Они обе замерли и одновременно посмотрели на меня. Я невольно сделала шаг назад, но споткнулась и рухнула на пол. Ирэн цокнула и сложила руки на груди, а Эмилия, улыбнувшись, протянула мне руку.

– Не пугайся так, – почти как кошка произнесла она. – Телефон возле камина. Как позвонишь, провожу тебя в твою комнату.

– Спасибо, – я вложила свою руку в ее и тут же оказалась на ногах. Эмилия очень сильная, несмотря на внешнюю хрупкость.

Отряхивая юбку, я подошла к камину и потянулась за трубкой.

– Семья Коллинз, – раздался шуршащий родной голос.

– Мама! – прикрикнула в трубку я. – Я приехала.

На секунду раздалась тишина, а следом за ней:

– Милая, как я рада слышать тебя, как ты добралась?

Я повернулась с трубкой в руках и покосилась на Ирэн. Откинув волосы назад, я ответила:

– Дорога выдалась утомительной, но все хорошо, добрались с ветерком. Папа еще не вернулся?

– Нет, он решил остаться в Лондоне на пару дней.

– Зачем?

– Не знаю, – мама устало выдохнула. – Он, как всегда, молчит. Лучше расскажи, как первые впечатления? Уже познакомилась с кем-то из воспитанников?

Я сглотнула. Пальцы ковыряли каменное изваяние камина.

– Нет, мы только приехали, жду пока меня определят.

– Как все серьезно.

– Не то слово. Как там Джон, Кэтрин?

– Джон заперся на чердаке, мы его почти не видим. Такими темпами отец его выпорет. А Кэтрин... Кэтрин ходит сама не своя, скучает по тебе.

Я представила себе тяжело вздыхающую старушку, которая кромсает рыбу к ужину.

– И я тоже скучаю, – я обернулась и увидела, что Ирэн уже ушла. – Мне пора, передавай всем привет, пока!

– Спасибо, что позвонила, Элизабет.

Я вернула тяжелую красную трубку на место.

16 октября 1960 года

Утром я проснулась из-за громкой музыки, доносившейся из противоположного угла комнаты. Мне и без того плохо спалось на новом месте – постоянно просыпалась, а тут еще и это. Папа бы такое точно не потерпел.

Я разлепила глаза, и посмотрела в сторону источника назойливого шума. На еще вчера пустующей кровати сидела девушка, примерно моего возраста и болтала ногами. На ней был пиджачок и брюки из денима. Я завистливо закатила глаза – на ней они сидели как влитые, неужели сейчас девочкам можно такое носить?

– Проснулась, – воскликнула она и приблизилась к моей кровати. – Я, Люси, а ты?

– Элизабет, – проворчала я, рассматривая ее курносый нос. – Ты шумная.

– А ты – скучная, – рассмеялась Люси. – Я думала, что в таких ночнушках спят только бабушки.

Я прикрылась одеялом и поднялась с кровати. Шторы были задернуты, поэтому в комнате стоял полумрак.

– Это я скучная? – возмущенно ответила я. – Если бы ты знала, с кем имеешь дело, то не делала бы таких поспешных выводов.

Люси подошла к своей кровати и выключила радио. Из-за резкой тишины в ушах неприятно шуршало, как в телефонной трубке.

– Ты Элизабет, – повернулась она. – И судя по твоим старомодным вещам – ты однозначно зануда. Вот в соседней комнате девочки гораздо веселее и не ворчат на музыку.

Я поднялась с кровати и приблизилась к ней, задирая рукава сорочки. Но вместо того, чтобы испугаться, Люси сложила руки на груди и выжидающе смотрела на меня. Когда мы оказались лицом к лицу, мои руки опустились, и я со всей строгостью в голосе сказала:

– Все детство я водилась с мальчишками, так что устроить тебе взбучку – не проблема, но не хочется руки марать, еще заражусь твоим нахальством, – я топнула ногой и улыбнулась ей.

– За-ну-да, – Люси театрально громко вздохнула. – Еще и невоспитанная.

Меня возмутили ее слова. Она обозвала невоспитанной меня, которая все детство слушала наставления Элис и Кэтрин. Я громко выдохнула и, откинув волосы назад, вернулась на свою кровать. Миссис Спаркс не говорила о том, что ко мне так быстро подседают кого-то. Кого-то очень надоедливого и слишком болтливое.

– Не хочу тратить время на тебя, – сказала я и рухнула на кровать, с головой зарывшись в одеяло.

– Взаимно, – громко ответила Люси. – Продолжай лежать, как раз пропустишь собрание новеньких.

Резким движением я сбросила одеяло и встала с кровати. Достав из-под нее чемодан, я стала перебирать его в поисках подходящей юбки.

– Ничего я не пропущу, – сказала я сквозь зубы, обернулась и с улыбкой продолжила, – Спасибо за напоминание, мисс Нахальство.

Весь холл заполнили новоприбывшие ученики пансиона «Надежда». Меня удивило, что среди них были и мальчики, поскольку говорилось об открытии женского корпуса. Нервно поправив свою темно-синюю плотную юбку, я спустилась вниз, стараясь как можно меньше стучать небольшими каблучками.

Глазами я пробежалась в поисках Люси – как никак, она пока единственная, с кем я здесь познакомилась из сверстников. Вряд ли, конечно, из нас выйдут подруги, Люси совершенно другая, немного стервозная и надменная. Завидев рыжеволосую фигуру в джинсах, я уже было собралась подойти к ней, но остановилась.

Люси смеялась, окруженная толпой девочек, которые, как и она были одеты, как модницы. Даже их платица были симпатичнее моей строгой старомодной юбки. Одна из них обратила на меня внимание и дружественно помахала рукой, подзывая. Я потупила взгляд, и сделав глубокий вдох, подошла к ним.

– Добрый день, леди, – тихо произнесла, намеренно поправив волосы, собранные серебряным гребнем.

Та, что помахала мне, скромно улыбнулась и кивнула головой. Мое внимание привлекла золотой кулон на ее шее.

– Добрый день, – вежливо ответила она с мягким акцентом. – Я Патриция Руссо, а вы?

Я протянула ей руку в знак приветствия, но тут же убрала. Патриция заметила это и, едва сдерживая смех, прикрыла рот ладонью.

– Элизабет Коллинз, – неуверенно ответила я. – Тут все так необычно, не находите?

– Очень шумно, – она приподняла вторую руку. – Но гораздо тише, чем у в моем доме. Это радует.

«Вот она, – пронеслось в моей голове, – Элизабет, это твой шанс.»

– А откуда вы, если не секрет? – дружелюбно поинтересовалась я, уже представляя в своей голове, как мы с Патрицией проводим время вместе и секретничаем. И подшучиваем над Люси.

– О, это не секрет, bella, – ответила моя новая подруга. – Я приехала из Рима, но мой отец русский, – она приблизилась ко мне и игриво шепнула, – *Acqua in bocca*, а то он заберет тебя!

– Я не понимаю, – ответила я, почувствовав неприятный зуд в груди.

– Это шутка! – рассмеялась Патриция и аккуратно поправила воротник моей блузки. – Так лучше!

Патриция повернулась к остальным девочкам и окликнула их. На нас тут же уставились три пары глаз. Одна из которых меня особенно сильно раздражала.

– Девочки, посмотрите какая находка! – воскликнула Патриция, показывая ладонью на мою блузку с ажурными вставками. – Это же настоящее *che bella*!

Я неловко поправила блузку, пока мои щеки все сильнее и сильнее краснели.

– И вправду, – ответила девушка с темными волосами в льняных брюках и пиджаке цвета морской волны. – Откуда у тебя такая находка?

– Ничего особенного, – ухмыльнулась Люси. – Мадлен, у нас в Лондоне таких блузочек – не счесть.

– Все равно красиво, – ответила темноволосая. – В Леоне я встречала похожие, но они почему-то не пользуются популярностью. Я Мадлен, а это моя сестра Жанна, – она указала на свою копию в легком бежевом платице, – и Люси.

– Я Элизабет, – уверенно ответила я, сверля взглядом свою соседку. – А блузку мне сшила домоправительница.

– Милая вещица, – смущенно проговорила Жанна.

Мы прождали около 20 минут перед тем, как на лестнице показались Эмилия Спаркс и Ирэн дэ Тусант в сопровождении мужчины в строгом деловом костюме. В его руках я заметила блокнот, похожий на тот, что был у меня. Меня позабавило то, что у взрослого серьезного мужчины девичий блокнот.

Они остановились на пятой ступеньке, чтобы все новоприбывшие смогли их увидеть. Ирэн осмотрела всех и в свойственной ей манере произнесла:

– Приветствуем всех новых учеников пансиона «Надежда». Меня зовут Ирэн дэ Тусант и ближайшие несколько лет я буду представлять ваши интересы перед основателями. Учтите, что это будет работать и в обратную сторону, поэтому ваши результаты я буду отслеживать очень тщательно, – ее глаза скользили по головам. – Прежде, чем переместиться в зал для посвящения, я передам слово основателям этого пансиона.

Миссис Спаркс с мужчиной переглянулись, и он с улыбкой выставил руки вперед, уступая ей право первого слова.

– Доброе утро, надеюсь каждый из вас добрался до этого отдаленного места с комфортом, – она улыбнулась, но голос ее звучал строго. – Я, Эмилия Спаркс, и господин Карл Робин состоим в обществе капитала строителей Старого света. И несколько лет мы ломали голову: где же нам искать юные таланты, которые бы мы взрастили не только для дальнейшего развития и процветания, а еще и для сохранения традиционных укладов ведения дел. И тогда мы решили открыть этот пансион «Надежда», как кузницу, где под нашим крылышком буду учиться те, кто продолжит наше дело. – она вскинула руку. – Вы – представители высшего общества, те, кто сочетает в себе традиции и дух новой эпохи, и, надеюсь, обучение здесь оставит у вас лишь положительное впечатление. Господин Робин, вам слово.

Эмилия поднялась на ступеньку выше и встала рядом с Ирэн.

– Добрый день, уважаемые воспитанники, – несмотря на то, что его голос был тихим, прислушиваться не приходилось. – Миссис Спаркс уже представила меня, но добавлю, что я также являюсь не последним человеком в Банке Англии. К чему я? К тому, что по выпуску у вас не будет потребности искать себя и свое призвание, – он улыбнулся, но от этой улыбки хотелось сжаться в комок. – Так что каждый из вас будет пристроен в зависимости от ваших успехов в той или иной дисциплине. Мы постарались создать самые комфортные условия, чтобы вы ни в чем не нуждались, – он повернулся к Ирэн и кивнул ей. – Также отдельно хочу поблагодарить семью дэ Тусант за предоставление этого прекрасного здания в одном из самых живописных мест Европы.

«Ирэн говорила, что это было по независящим от них обстоятельствам – интересно, кто из них врёт?» – я подщипнула подбородок.

– Ты чего? – спросила Мадлен.

– Задумалась немного, – я натянула улыбку. – Скучно.

– Не то слово.

Ирэн подняла ладони и стала аплодировать, только ее аплодисменты были без особого энтузиазма. Новоприбывшие подхватили хлопки и вот уже по всему холлу разносился шквал громких ритмичных звуков.

– Все за мной, – Ирэн спустилась и прошла за лестницу, ведя нас в зал посвящения.

Я прорывалась сквозь толпу, стараясь догнать Ирэн. Она остановилась у массивной двери из темного дерева и распахнула ее, впуская всех. Я встала рядом и уставилась на нее. Почувствовав мой взгляд, Ирэн цокнула и опустила голову в мою сторону.

– Добрый день, мадемуазель Коллинз, – она протянула мою фамилию в издевке. – Что на этот раз?

– Добрый день, миссис дэ Тусант, – я наблюдала за ее реакцией. – Почему основатели говорят, что ваша семья по своей воле предоставила этот отель, а вы мне говорили прямо противоположное.

Ее брови нахмурились. Ирэн отвела взгляд на толпу входящих.

– К чему вам эта информация, моя курочка? – я заметила, как ее челюсть напряглась.

– Просто хочется больше знать о месте, где мне предстоит провести лучшие годы, – я попыталась разрядить разговор.

– Если вы и дальше продолжите совать свой нос, то будьте уверены, я сделаю все, чтобы вы запомнили эти годы, как самые худшие, мечтая забыть о них, – она опустила на меня холодный взгляд и прошипела, – Быстро в зал.

Против такого я не могла возражать. От нее и вправду можно было ожидать все, что угодно. Я опустила голову и побрела в зал в числе последних.

– Элизабет, bella, – воскликнула Патриция, увидев меня. – Скорей сюда, я заняла тебе место!

– Спасибо, – я уселась в мягкое бархатное кресло.

– Как тебе эта троица? – поинтересовалась она, чуть понизив голос. – Мне они показались очень строгими.

– Меня они пугают, – я сложила руки в замок и рассмеялась. – Такие все серьезные.

– Точно, – она поправила свое платье. – У папы есть друг, вот он такой же. Каждый раз когда он приходил, всегда читал нотации. А потом и вовсе предложил отцу отправить меня сюда.

– Ничего себе, – я откинулась на спинку кресла, подражая Патриции. – Меня тоже сюда отправил друг нашей семьи.

– Вот это совпадение! – воскликнула Патриция. – Мamma Mia, сама судьба свела нас с тобой!

– Это точно, – я рассмеялась.

Зал посвящения напоминал небольшой концертный зал: тяжелые шторы, мягкие обивки на сидениях и сцена, освещенная яркими лампами. Вокруг стоял гул из подростковых голосов. Также, как и в поезде до Йорка, – всевозможные языки, некоторые из которых я даже не могла распознать.

– Дорогие ученики, – на сцене показался Эмилия Спаркс, и голоса постепенно стихали. – Сейчас я расскажу вам о правилах пансиона. Будьте так любезны соблюдать их.

Начало занятий в 8 утра, соответственно завтрак в половине седьмого.

Женский и мужской коридоры разделены: запрещено посещать комнаты учеников противоположного пола.

На территории пансиона введена форма, ношение которой обязательно ежедневно, за исключением праздничных мероприятий.

Запрещено покидать территорию пансиона, если это не касается занятий. Выход за пределы только в сопровождении преподавателя.

Также запрещено покидать свои комнаты после 10 вечера.

– Как видите, правила несложные, – подчеркнула Эмилия. – Мы не контролируем каждый ваш шаг, однако требуем соблюдения вышесказанного. Также в пансионе действует система рейтинга обучающихся, о которой подробнее расскажет госпожа дэ Тусант.

Ирэн поднялась со своего места и быстро прошла на сцену, стуча каблуками. Каждый такой стук отражался встревоженным биением сердца.

– Как уже сказала мадам Спаркс, в пансионе действует система рейтинга, – Ирэн говорила сухо и быстро, из-за чего еще сильнее картавила. – Ежемесячно мы будем подводить итоги вашей успеваемости: от нее будет зависеть направление, а также возможность дальнейшего обучения. Наиболее слабые ученики не будут допущены к обучению в новом семестре. Минимальный балл составляет 50, все, кто не пройдут минимальный порог будут исключены. Баллы складываются из ваших оценок, посещений и соблюдения правил, за нарушение которых, баллы также снимаются.

Мы с Патрицией переглянулись. Правила были просты, но даже при их полном соблюдении будет сложно удержаться на плаву. Каждый месяц, проведенный здесь, будет гонкой, где никто не захочет уступить.

Кто-то сидящий впереди нас поднял руку. Ирэн посмотрела на него и кивнула. Молодой человек поднялся и поправил свой пиджак.

– Почему такие строгие правила? Когда жить-то?

Лицо Ирэн исказилось в недовольстве. Она цокнула и сложила руки на груди.

– Прежде чем задавать вопрос следует представиться, – грубо сказала она.

– Джеймс Грон.

– Мсье Грон, – она хищно улыбнулась и наклонила голову в бок. – Вы планируете всю жизнь прожить в праздности?

– Н-нет, – он стушевался под ее взглядом. Даю шиллинг, он сейчас весь белый, как полотно.

– Тогда у вас не возникнет проблем, – она снова цокнула. – Учтите, я буду внимательно следить за вашими успехами и провалами. У кого-то еще остались вопросы? – Ирэн выждала некоторое время и продолжила, – Отлично, обед состоится в час дня, после него вы получите форму. Собрание окончено.

Теперь в ее копилке двое: я и несчастный Джеймс. Первые кандидаты на вылет, за которыми эта кислая морда будет следить. Придется работать усердней, чтобы не разочаровать родителей.

До обеда было еще некоторое время, которое я решила провести в комнате. Мы с Партицией попрощались на лестнице – она решила изучить здание и ушла с остальными девочками.

Когда я уже подходила, за углом я услышала чей-то разговор. Любопытство пересилило страх и аккуратно подкравшись, я прислушалась.

– Ты уверен, что не знаешь ничего? – это был голос Ирэн.

– Нет же, после Уитби он не выходил на связь, – судя по всему говорил молодой человек. – Я звонил в нашу квартиру в Лондоне – тишина. Он как сквозь землю провалился.

Речь явно шла о мистере Робертсе. Я притаилась и продолжила слушать.

– Уил, если он не объявится, то Эмилия будет рвать и метать, – впервые я услышала ее обеспокоенную интонацию. – Он обещал!

– Я ничего не могу с этим поделать, – я услышала, как кто-то оперся на стенку.

– Ты меня услышал, – она вернула свою холодную строгость. – Ищи его, звони, пиши письма – делай, что хочешь, но Джозеф должен выйти на контакт с нами, иначе...

Она замолкла. Я услышала шаги и быстро побежала к своей двери. Коснулась ручки как раз в тот момент, когда она вышла из-за угла. Ирэн прошла мимо, покосившись на меня, но ничего не сказала. Я открыла дверь и зашла в комнату, притаившись.

Как только шаги стихли, я снова приоткрыла дверь и высунула голову. Рядом с ней оказался высокий молодой человек в коричневом пиджаке и синей рубашке. Я подняла глаза и, неловко улыбнувшись, захлопнула дверь.

Это тот самый парень из моего сна. Пол ушел из под ног. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Он настоящий.

«Вот это поворот, Элизабет, соберись!»

Отряхнув ногу, сбрасывая напряжение, я снова открыла дверь и натянуто улыбнулась.

– Привет, – сказала я.

– Доброго дня, леди, – он поправил воротник рубашки. – Вы Элизабет?

– Д-да, – промямлила я. – А вы?

Конечно, я знала, что это сын мистера Робертса, но выдавать себя в такой щепетильный момент было бы оплошностью.

– Уильям Робертс, – он убрал руки в карманы и стал покачиваться. – Отец говорил о вас, вот зашел познакомиться с подругой семьи.

Я почувствовала, как щеки загорелись.

– Приятно познакомиться, мистер Робертс младший, – я выглядела, как изумленная дурочка. – Вот и познакомились.

– Да, – он не переставал покачиваться. – Хорошего дня, леди, увидимся после.

– Ага, – я быстро захлопнула дверь, не в силах справиться с нахлынувшими эмоциями.

Весь день из моей головы не выходил этот юноша. Он знал меня, а все, что я знала о нем – загадочный незнакомец из сна. Только во сне он был словно неживой, а здесь – вполне себе.

В этом месте явно что-то происходит, и я не просто так здесь оказалась. Мистер Робертс явно что-то задумал вместе с этими загадочными женщинами. Что-то, что скрывается от учеников пансиона.

После обеда, отстояв приличную очередь в холле, я позвонила домой.

Папа так и не вернулся, мама начинала волноваться за него. Интересно, каков был шанс, что он сбежал вместе мистером Робертсом? Может быть, ни нашли тот камень и решили начать новую жизнь? Нет, папа бы не бросил нас.

Нужно выяснить, что здесь происходит. А дневник я спрячу подальше, на всякий случай.

23 октября 1960 года

Люси оказалась не так плоха, как я подумала на первый взгляд. Жить с ней безусловно сложно, но мне она показалась даже забавной. Особенно сильно я ликовала, когда она стояла перед зеркалом и недовольно разглядывала себя в «скучной и безвкусной» форме. Но мне она понравилась: плотный жакет и свободная юбка – это то, что я всегда носила. Только серый цвет меня немного смущал.

С момента начала занятий совсем нет свободного времени, особенно после распределения, благодаря которому меня определили в класс математики, а я, между прочим, хотела бы изучать искусство! Но мистер Лоуренс, увидев результаты моих тестов, сразу же «сцапал» меня к себе, заявив: «Блестяще!».

Теперь мне придется учиться втрое усердней, а не блистать на сцене.

Мадлен и Жанне повезло куда больше – они с раннего детства играли в театре своего отца, поэтому их сразу определили в класс искусств. А Патриция и Люси, как выяснилось, отлично играют в крокет и гольф, и их определили в недавно открывшийся класс спорта. Теперь понятно, почему моя соседка такая нахалка.

Эта неделя так быстро пролетела, что я даже не заметила, как к ее концу устала настолько, сил не было подниматься утром с кровати.

В воскресное утро завтрак начинался как и в остальные дни в половине седьмого утра. Я уже проснулась, но покидать теплую кровать не хотелось – по утрам в пансионе было особенно холодно, аж волосы вставали дыбом.

– Элизабет, ты весь завтрак проспичь, – Люси уже заплетала косу перед зеркалом.

– Так не хочется вставать, – зевнула я. – С удовольствием бы провела все время в кровати.

Люси подошла к кровати и рывком стянула с меня одеяло. Все мое тело тут же сковало от холода.

– Элизабет, – она отбросила одеяло подальше, не дав мне ни шанса. – Завтрак – важный прием пищи.

– С каких пор ты такая заботливая? – возмущенно спросила я, поднимаясь с кровати.

– С тех самых пор, как стала ответственной за женский корпус, – с улыбкой произнесла она. – И я не позволю кому-то отлынивать от обязанностей.

– Завтрак – не обязанность! – воскликнула я, натягивая тугие гольфы. – Это добровольное желание каждого.

Люси сложила руки по бокам и строго следила за тем, чтобы я вновь не рухнула на кровать.

– Ничего не знаю, – ответила она. – В следующий раз водой окачу.

– Дали власть выскочке... – пробубнила я.

– Что?

– Ничего, – я закатила глаза, вставая с кровати. – Пять минут, и я выхожу.

Люси еще не знала, что донимать Элизабет Коллинз – плохая идея. Поэтому моя ничего не подозревающая соседка покинула комнату с красивой табличкой, пришитой к спинке ее жакета.

«Мисс Дурашливая Надзирательница,» – хихикала я этой ночью, аккуратно пришивая к плотной ткани краткую характеристику моей соседки. – «Вот умора будет утром!»

Я наспех оделась и, минуя уборную, сразу же направилась в столовую. Я должна была своими глазами все увидеть, особенно раскрасневшееся лицо Люси.

Уже почти дойдя до столовой по холлу мимо огромной библиотеки, как вдруг меня окликнул Уильям.

Я обернулась: он стоял у окна, сквозь которое пробивались мягкие утренние лучи, подсвечивавшие его волосы. Уильям в тот момент напоминал красивую изящную статую, а не обычного ученика.

– Доброе утро, мисс Хитрость, – сказал он с ухмылкой. – Думаю, мисс Дурашливая Надзирательница будет в бешенстве.

– Очень на это надеюсь, – выкрикнула я, приветственно помахав ему рукой. – Я тороплюсь, боюсь пропустить это представление, – я головой указала в сторону столовой.

Уильям оглянулся по сторонам и затем подозвал меня к себе. За эту неделю мы лишь мельком виделись и перекидывались парой фраз. Я повторила за ним и, убедившись, что никого нет, медленно приблизилась к нему, остановившись на расстоянии вытянутой руки.

Солнце ударило по глазам и я немного прищурилась.

– Я не займу много времени, – тихо, почти заговорщически сказал он. – Элизабет, твой отец все еще не вернулся?

– Откуда ты знаешь? – воскликнула я.

Уильям приподнял ладони, и стал медленно то поднимать их, то опускать. Он выглядел очень обеспокоенным и напуганным, но быстро взял себя в руки.

– Тише, – он снова оглянулся по сторонам. – Так вернулся или нет?

– В пятницу я звонила в Уитби, – почти шепотом ответила я. – Отец звонил домой сказать, что у него остались какие-то дела, но он не возвращался. Ты что-то знаешь об этом?

– Нет, – он отвел глаза в сторону. – Ничего не известно.

Меня не устроил расклад дел, поэтому минуя всякую осторожность, я приблизилась к нему. Дыхание стало немного перехватывать – неприлично долго я смотрела в его глаза, напоминавшие Северное море. Смутившись, я отвернула голову в сторону и зажмурилась, крепко впевшись в свою юбку.

Мне были не знакомы эти ощущения, похожие на несварение.

– Я знаю, что ты сплетничал о чем-то с миссис дэ Тусант, – сказала я, продолжая корчиться. – И знаю, что все, кому не лень ищут мистера Робертса, – я немного расслабила лицо и вновь повернула голову к нему. – И, даю шиллинг, не просто так они оба исчезли.

Уильям опустил голову, сжав челюсть, отчего у меня похолодели ладони. На мгновение мне даже показалось, что в холле стало темнее.

– Элизабет, – он поднял на меня взгляд полный сострадания и сделал шаг назад. – Твое любопытство дорого тебе обойдется.

– Дело касается и моего отца, Уильям, – растерянным голосом ответила я и сделала шаг вперед. – И я не могу сидеть сложа руки, зная, что здесь что-то происходит.

Из столовой стал доноситься шум, и Уильям поднял голову, осматриваясь. Я тоже обернулась и среди громкого смеха услышала крик Люси.

– Кажется, ты все пропустила, – он кивнул в сторону.

– Ага, – вздохнула я и пожала плечами. – Мне как-то даже и не весело уже.

На лестнице послышались громкие постукивания каблуков. Кто-то из преподавателей услышал шум и решил выяснить его причину.

Когда я услышала невнятное выражение на французском и характерное цоканье, то кровь вмиг застыла в жилах. Я махнула рукой Уильяму и побежала подальше от столовой.

Я обернулась – Уильяма уже не было, а шаги становились все громче. Я побежала в учебный коридор мужского корпуса, чтобы переждать там, хоть девочкам и было запрещено там появляться. Все двери, как назло, были закрыты, а я уже выдохлась. Еле плетясь между массивными дверьми и огромными окнами по плотному ковру, моя нога наткнулась на что-то выпуклое.

Носком туфли я попыталась продавить этот бугорок – он был плотным. Когда я уже хотела наклониться и прощупать его пальцами, сзади раздался голос:

– Мисс Коллинз, нарушаете правила?

Я застыла в оцепенении. Это был голос мистера Лоуренса. Я медленно обернулась и перед глазами предстал мой преподаватель математики в строгом костюме и шляпе. Его руки были в карманах, а на лице сияла улыбка.

– Н-нет, – пробормотала я. – Неприлично носить шляпу в помещении, мистер Лоуренс.

– О, я только недавно вернулся из города, – он рассмеялся. – А вам, я смотрю, палец в рот не клади. Так что вы здесь делаете?

Мистер Лоуренс хоть и сдирал с нас три шкуры, но всегда делал это с добродушной улыбкой. А еще я особенно сильно ему понравилась, только не знаю чем.

Он выжидающе смотрел на меня, пока я пыталась быстро придумать себе оправдание. Преступница из меня бы точно не вышла. Тогда я решила проявить таланты, которым так восторгалась тетушка Мария.

– Мистер Лоуренс, я всего-навсего хотела посчитать количество дверей в этот прекрасном здании, – чуть повысив голос громко ответила я. – Мне захотелось узнать, по какому принципу строят большие здания и из каких расчетов.

Мистер Лоуренс еще сильнее залился смехом. Вынув руку из кармана и почесав подбородок, он ответил:

– За смекалку я не выдам вас госпоже дэ Тусант, – он сделал шаг в сторону. – Но взамен я попрошу рассказать мне правду.

Я потупила взгляд, потому что не знала о чем точно хотел знать преподаватель. Быть может он видел нас с Уильямом в окне. Или он действительно только сейчас меня обнаружил здесь.

– Ну, же, не бойтесь, юная леди, – он махнул рукой.

– Я захотела подшутить над соседкой и пришила ей табличку на жакет. А потом на шум прибежала миссис дэ Тусант, и я убежала, избегая наказания, – протараторила я, прижимая подошву к бугорку.

– Это было зрелищно? – игриво спросил мистер Лоуренс.

– Не знаю, – я пожала плечами. – Я опоздала на завтрак и все пропустила.

– Очень жаль, – он развернулся и махнул рукой, подзывая меня. – Пойдемте, завтрак – важный прием пищи.

Мы шли вдоль коридора в столовую. Мистер Лоуренс шел уверенно, слегка прихрамывая на правую ногу. Как он рассказывал нам на одном из занятий, его чуть не убило снарядом. Меня поражало то, как она смог сохранить свою доброжелательность и легкую озорливость после войны.

– Мистер Лоуренс, а можно спросить? – я едва поспежала за ним.

– Конечно, – он повернул голову ко мне, поправив шляпу. – Только на неприличные вопросы я отвечать не буду.

– Я и не хотела неприличные задавать, – я обиженно надула щеки. – Почему вы решили приехать сюда работать?

– Как вам сказать, мисс Коллинз, – он поправил ворот пиджака. – В Лондоне работа есть, но оплата труда кощунственно отвратительна, а здесь... Мне предложили, к тому же дочери выделили место, – он повернулся и подмигнул. – Ваша соседка, кстати.

Я подняла на него испуганный взгляд, и мистер Лоуренс в очередной раз разразился смехом.

– Люси – ваша дочь? – спросила я, чувствуя, как щеки начинают гореть. – Почему тогда вы не нарутали меня?

– А зачем я буду лезть в девичьи разборки, – он достал платок и промокнул лоб. – Тем более я не прочь, если кто-то сможет остепенить ее. А вы откуда приехали?

– Из Уитби, – мои глаза загорелись. – Там так хорошо: родные, море и друг. Вы бывали там?

– Ни разу, – цокнул мистер Лоуренс, отчего меня передернуло, напомнив об Ирэн. – Там есть на что поглазеть?

– Конечно, – воодушевленно начала я, загибая пальцы. – Во-первых, живописный берег моря, где иногда можно издали увидеть китов. Во-вторых, развалины Аббатства Уитби и в-третьих у нас очень красивая природа.

– Как хорошо вы рассказываете, – он прикрыл глаза. – Теперь я захотел посетить этот чудесный городок. А вот и столовая.

Мистер Лоуренс открыл дверь в уже пустующую столовую, в которой прислуга уже убирала со столов. В просторном зале все еще стоял запах каши и выпечки.

Я осталась ждать у двери, наблюдая за слаженной работой четырех женщин, ловко собирающих тарелки в башенки.

К слову, кормили в пансионе отменно: были и фрукты, и разнообразные овощи – я, признаться, даже немного скучаю по рыбе и чипсам, хотя их подают по четвергам, но вкус не тот. У Кэтрин она была гораздо лучше. Но и здесь – тоже хорошо.

Мистер Лоренс, переговорив о чем-то с одной из женщин, вернулся ко мне с небольшим свертком.

– Увы, все смели подчистую, – раздосадовано сказал он. – Но я попросил для вас яблоко и булочку – до обеда должно хватить.

В моих руках оказался небольшой сверток из пергамента, пахнувший сдобой.

– Спасибо, мистер Лоуренс, – я прижала сверток к груди.

– Не за что, – он сложил руки в карманы. – А теперь бегите в свою комнату, юная леди, чтобы ни у кого точно не осталось вопросов.

– Хорошо, – против такого и возражать не хотелось. – Я ваша должница, мистер Лоуренс.

Я наспех побежала в комнату – все мои мысли при этом были заняты разговором с Уильямом. Почему его так беспокоит моя заинтересованность в здешних тайнах. И почему в пансионе должно быть опасно – здесь же кругом одни дети. А еще тот сон... Это точно Уильям, но как же так вышло, ума ни приложу. Живот снова скрутило, и я ускорила шаг.

Наконец, я распахнула дверь и ввалилась в комнату. Громко захлопнув ее, я обернулась и увидела, как Ирэн дэ Тусант сидела на краю моей кровати – ее спина была ровной, как доска. А напротив нее сидела Люси, поджав ноги.

– Где ты была? – спросила Ирэн.

– В пансионе, – ответила я, вылупившись на нее.

– И поэтому такая растрепанная? – она наклонила голову.

Я перевела взгляд на Люси, но та лишь испуганно замотала головой. Мельком глянула в зеркало: волосы торчали в разные стороны, а жакет весь вывернут.

– Я бежала, – нос предательски зачесался.

– Ты пропустила завтрак, за это я снимаю у тебя 5 баллов, – она перевела взгляд на мою соседку. – А у главы женского корпуса – 10.

Руки Люси упали на колени. Она растерянно смотрела на непробиваемую стену в лице Ирэн дэ Тусант. Ее подбородок дрожал – еще секунда и Люси бы расплакалась.

– Но это несправедливо! – выкрикнула я, указывая пальцем на соседку. – Люси ответственно подходит к выполнению своих обязанностей!

– Тогда почему она не смогла проконтролировать вас? – она недовольно цокнула, приглаживая покрывало.

– Я шла, а потом... – я осеклась и замерла, едва не проболтавшись. – А потом я передумала есть. Люси не виновата, – я опустила глаза в пол.

– Мадемуазель Коллинз, я правильно понимаю, что вы просите вернуть мадемуазель Лоуренс снятые баллы? – Ирэн сложила руки на груди.

– Да, – набравшись смелости, я смотрела прямо в ее глаза, от которых живот скручивало еще сильнее.

– Хорошо, раз вы так инициативны, то на текущий момент ситуация такова: главе женского корпуса баллы возвращаются, – Ирэн подняла руки и приготовилась загибать пальцы, – 15 баллов я снимаю с вас за отсутствие на завтраке, 5 баллов за неподобающий внешний вид и 10 баллов за порчу школьной формы вашей соседки. Итого: 30 штрафных баллов.

– Миссис дэ Тусант, – дрожащим голосом в разговор вмешалась Люси. – Но 30 баллов – это очень серьезно. Может быть, на первый раз стоит смягчить наказание? – Люси мельком посмотрела на меня. – И форма не испорчена, я уже все сняла, там был аккуратный шов.

– Нет, это исключено, правила одинаковы для всех. Я и без того пошла на уступку.

Ирэн поднялась с кровати и уверенно направилась к выходу. Я отодвинулась, освобождая ей проход, но глаз не отводила.

Приблизившись ко мне, она хищно улыбнулась и тихо сказала: «У вас не так много времени исправить ситуацию, моя курочка.»

Вышла и захлопнула за собой дверь, оставив в комнате плотный вязкий воздух.

Я рухнула на кровать, обхватив живот. Он уже не болел, но все тело стало словно каменным от прозвучавшего приговора. Кое-как повернув голову, я сказала:

– Люси, прости меня за форму, я думала, что шутка выйдет невинной.

– Брось, – она улыбнулась и я подметила их сходство с мистером Лоуренсом. – Дурашливая Надзирательница не держит зла. А где ты пропадала?

Я повернула голову и стала разглядывать идеально выбеленный потолок без единой трещинки.

– А ты никому не скажешь? – я подняла колени и закинула ногу на ногу.

– Нет, если ты расскажешь мне правду, – Люси, последовав моему примеру легла на кровать.

– В мужском корпусе я заметила кое-что странное на полу, но я не успела толком разглядеть.

– Ты ходила туда? – она удивленно воскликнула. – Со мной живет настоящая нарушительница!

– Это вышло случайно, – я хлопнула по кровати и повернулась к ней. – Может быть нам стоит проверить, что там?

– Элизабет!

– Здесь намечаются какие-то тайны, неужели тебе неинтересно? Ты разве не замечала никаких странностей?

– Единственная странность, которую я заметила – это старомодность, – Люси улыбнулась, но тут же призадумалась. – Было еще кое-что. Я видела, как госпожа Спаркс и госпожа дэ Тусант возвращались ночью в пансион. Сначала я подумала, что они уезжали в город, но выглядели они, мягко говоря, ни торжественно, ни как обычно. Словно устроили себе забег в ночном лесу.

– Это очень на них не похоже.

– Ага, а что ты имела в виду про тот бугорок?

– Я думаю, это ручка в тайный подвал, который скрыт ковром.

– Вот дела!

– Нам нужно пойти и все разведать. Предлагаю сделать это ночью, пока все спят.

Люси приподнялась с кровати и внимательно осмотрела меня. Затем она бросила мне в лицо мягкую подушку, на мгновение перекрывшую мне доступ к воздуху.

– Нас с тобой отсюда точно выгонят за такое! – она разразилась громким смехом.

Весь день все тело чесалось от предвкушения. Я не могла никак усидеть на месте, то и дело, сновала туда-сюда в поисках занятия. Безусловно, меня коробила мысль о 30 баллах, которые мне необходимо будет перекрыть, и я даже попыталась сесть за учебник – но все тщетно. Мысли крутились в голове вихрем, отвлекали и не давали сосредоточиться на теоремах. Надеюсь, мистер Лоуренс не будет завтра слишком строг.

Уже ближе к ночи я и Люси сидели в комнате в ожидании, когда везде погаснет свет. Люси стояла перед зеркалом и расчесывала свои длинные темные волосы.

– Элизабет, как думаешь, у нас будут когда-нибудь совместные занятия с мальчиками? – она через зеркало посмотрела на меня.

– Не знаю, а зачем они тебе? – удивленно спросила я. – Мы же и так с ними видимся.

– А ты только представь, – она повернулась и взмахнула расческой словно волшебной палочкой. – У нас будет занятие, где тебя посадят с очень симпатичным мальчиком, это же так волнительно!

Перед глазами мелькнул образ Уильяма в теплых солнечных лучах, заставивший меня покраснеть.

– Не знаю, – я схватилась за яблоко, занимая руки. – В Уитби я часто с ними играла – они такие заносчивые.

– Ничего себе, – она переместилась на кровать. – Расскажи мне.

– Да, рассказывать и нечего, – я отмахнулась, пока мое сердце сжималось в тоске. – Я водилась с мальчишками, чья участь всю жизнь провести в лодке и вечно пахнуть рыбой. Но с ними весело. Мы бегали на развалины старого Аббатства, искали там призраков монахов.

– А ты веришь в них?

– В мальчишек? – я удивленно подняла брови.

– В призраков, дурашка, – Люси залилась звонким смехом.

– Не знаю, – я пожала плечами, ковыряя ногтем яблоко. – Ни разу их не видела, но братец говорит, что все это чушь, и никаких призраков нет.

– А я верю, – тихо ответила Люси. – Когда мама умерла от туберкулеза, мы с папой сильно горевали. – ее голос подрагивал. – И я верю, что мама в виде призрака до сих пор рядом с нами.

В тот момент мне захотелось пожалеть Люси, но я как вкопанная продолжила сидеть на своем месте. Вместо этого я ответила:

– У меня была сестра-близнец, но она умерла, когда мы были совсем крохами, – я подняла глаза на Люси и мягко улыбнулась. – Кто знает, может Сьюзанн тоже следит за мной?

Люси ничего не ответила, лишь улыбнулась и легла на кровать.

Когда пробило за полночь, я и Люси, вооружившись свечой, медленно открыли дверь и вышли в пустой коридор. Было так тихо, что я слышала биение своего сердца, глухим стуком стучащего внутри головы.

Переглянувшись, мы прокрались к лестнице, и убедившись, что никого нет, быстро спустились вниз. Ступать босыми ногами по холодному камню – очень больно, но это был единственный способ пробраться в мужской корпус тихо.

В свете луны мы выглядели как два прозорливых призрака, шуршащих подолами своих ночных юбок. Дыхание перехватывало – все внутри горело от страха и любопытства.

Темный коридор мужского корпуса слабо освещался тусклым светом нашей свечи, отбрасывая на плотный ковер пугающие тени. Я медленным шагом, стараясь ступней не пропустить плотный бугорок.

– Вот он, – прошептала я, когда пальцем уткнулась в него. – Люси, скорей сюда.

Она подошла ко мне, оглядываясь за спину. Я замерла, ожидая худшего.

– Никого, выдыхай, – она опустила, прощупывая плотный ковер. – И вправду, что-то необычное.

Поставив свечу возле стены, я стала медленно отодвигать ковер. Все пальцы были в пыли, а нос сразу зачесался. Я задержала дыхание, подавив чих.

– Плотный, – Люси помогала мне отодвинуть тяжелое полотно. – Фух!

Вдали мне показалось, что я услышала чей-то голос. Я перевела взгляд на испуганную Люси и поняла – кто-то разговаривал в холле.

Люси ухватилась за металлический бугорок, оказавшийся ручкой в форме петли и потянула на себя. По коридору разнесся противный скрип, заставив нас встрепенуться.

– Люси! – прошипела я, подхватив свечу. – Быстро вниз!

Люси ничего не ответила и быстро прыгнула, проигнорировав существование деревянной лесенки. Я последовала за ней, но перед тем, накинула ковер на дверцу так, чтобы при закрытии не выдать нас.

Как только я спустилась в нос ударил неприятный затхлый запах. Я подняла свечу повыше: мы оказались в просторной комнате с низким потолком. Все ее стены были завалены полками с вещами, покрытыми слоем пыли.

– Это подсобка? – удивленно сказала Люси, проведя пальцем по одной из полок. – Пылищи-то сколько!

– Очень похоже на забытый склад, – я стала осматриваться, как вдруг мой взгляд привлек один из стеллажей. – Люси, а здесь пыли почти нет.

Мы подошли к нему, чтобы рассмотреть поближе. На пяти полках располагались сумки и чемоданы, набитые чем-то.

– Кто-то сюда еще приходит, – я стянула коричневую кожаную сумку. – Сейчас узнаем, что здесь.

Я поставила свечу на пол рядом с собой и дернула за молнию на сумке.

– Элизабет! – нервно сказала Люси, присаживаясь рядом. – Но ведь рыться в чужих вещах – плохо.

Я окатила ее недоумевающим взглядом.

– Люси, эти вещи на общем складе, вероятно, забыты кем-то, – я пожала плечами и ехидно улыбнулась. – Так что мы ничего не нарушаем.

– Кроме двух запретов, – подчеркнула она.

– И меня ты назвала скучной, – я тихо рассмеялась, вытаскивая содержимое прямо на пол. – Это же обычные вещи... Платье, юбки, какие-то кисти – ничего интересного.

Я отбросила хлопковый гольф в сторону и подперла подбородок руками, надувшись. Судя по всему, это и вправду был склад забытых учениками вещей, но их было так много, а пансион работал всего два года... Неужели здесь так много учеников?

Люси поднялась на ноги и отряхнулась. Она уже почти потянулась за свечкой, как вдруг взвизгнула и быстро отскочила в сторону, зажимая рот.

– Люси! – прошипела я. – Ты чего, нас могут обнаружить!

Она лишь пальцем указала за мою спину. Я повернулась и остолбенела. За моей спиной из приоткрытой потайной дверцы торчала чья-то кисть. Только все, что от нее осталось – лишь кости.

Я повернулась к Люси и громко сглотнула. Она мотала головой и уже хотела рвануть наверх, но я быстро подлетела к ней и схватила за руку, когда она почти дотянулась до дверцы.

– Нет, – я дернула ее назад, отчего Люси почти потеряла равновесие. – Нельзя сейчас!

– Во что ты меня втянула? – испуганно воскликнула она. – Что здесь происходит?

Я обхватила ее руки и крепко их сжала. Я посмотрела прямо в ее глаза, полные слез и еле сдерживаясь, сказала:

– Я не знаю, но нам нельзя сейчас выходить, кто-то был в холле. А вдруг они узнают?

Люси опустила на пол и закрыла лицо руками. Ее плечи слегка подрагивали. Я опустилась рядом с ней и мягко погладила по спине.

– Ты боишься, и я боюсь, – приговаривала я. – Но сейчас выходить нельзя, давай ты посидишь здесь, а я посмотрю, что в той комнате?

– Делай, что хочешь, – ответила Люси сквозь слезы.

Я приподнялась и, пройдя к той двери, подняла свечу с пола. Мне, как и Люси, хотелось убежать отсюда, сломя голову, но что-то подсказывало мне заглянуть внутрь.

Сделав глубокий вдох, я коснулась ржавой ручки.

«Давай, Элизабет, ты сможешь,» – успокаивала я саму себя, пока на фоне тихо всхлипывала Люси.

Зажмурившись, я дернула ручку и дверь с тихим скрипом отворилась. В тусклом свете сложно было разглядеть что-то в ее дальнем углу, но то, до чего дотягивалось свечение, вызвало во мне тошноту и головокружение. Вся комната была забита костями: то, что когда-то было частями тела, было свалено в огромную груды, как хлам.

Вопреки страху, я не двигающимися ногами подошла ближе. Запах стоял ужасный – от него щипало глаза.

Когда-то эти кости были людьми, которые, как и я, дышали, радовались и мечтали. А теперь – оказались запертые в пыльном подвале, собранные в одну кучу, как что-то ненужное и забытое.

Я опустила и дотронулась пальцем до черепа. Шершавый и сухой. По моим щекам стекали слезы – страх затупился, и теперь меня захлестнула печаль. Мне было жаль всех, кто оказался заперт здесь. Я повернула голову на стеллаж с сумками – погребенные здесь вместе с вещами, которые когда-то носили, возможно даже дорожили ими.

«Тот, кто это сделал – чудовище,» – голова вмиг опустела.

Что-то блеснуло в свете, когда я поднималась. Я наклонилась и заметила среди груды костей кисть, на которой красовался браслет. Серебряный с синими сапфирами. Я аккуратно стянула его и приблизила к лицу. Те же инициалы «Р» и «С». Та же огранка, что и на кольце с гребнем.

Я быстро надела находку на руку и повернулась к Люси.

– Что там? – она уже немного успокоилась и лишь молча осматривала паутину на деревянной перекладине.

– Тут что-то происходит, – я не стала рассказывать ей об увиденном. – Пойдем отсюда скорей.

Я поднялась по лестнице и приложив ухо к дверце прислушалась. Тишина.

– Когда я кивну, быстро взбирайся, – я опустила взгляд на Люси со свечой в руках.

Плечом толкнув дверцу, я высунула голову и быстро осмотрелась. Никого. Почти выпрыгнув из подвала, я протянула руку Люси, помогая ей быстрее подняться. Как только она оказалась рядом, моя нога хлопнула по дверце, закрыв ее, а следом я быстро вернула ковер на место.

– Бежим, – прошептала я, схватив Люси за руку.

На наше счастье, мы никого не встретили на пути из мужского корпуса. Приходилось постоянно останавливаться и прятаться, прежде, чем двигаться дальше – в любой момент кто-то мог выйти из-за угла.

Наконец добравшись до комнаты, мы обе рухнули каждая на свою кровать. Люси практически полностью успокоилась.

– Элизабет, я никому не скажу, где мы были, – она повернула голову. – Но я больше с тобой никуда не пойду.

– Понимаю, – я повернулась на бок, пряча браслет под подушку. – Могу я тебя кое о чем попросить?

– Валяй, – она накрылась одеялом.

- Если я иногда буду нарушать, не выдавай меня, пожалуйста, если только я сама не попадусь.
- Я ничего не видела, ничего не знаю, – ответила Люси. – Доброй ночи, Элизабет.
- Доброй ночи, – я закрыла глаза, пальцами щупая браслет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.